

Сергей Тюленев



БЫТОВАЯ
КОСМОГОНИЯ

Ученые записки Ивана Петровича
Сидорова, доктора наук

Сергей Тюленев

**Бытовая космогония. Ученые
записки Ивана Петровича
Сидорова, доктора наук**

«Издательские решения»

Тюленев С.

Бытовая космогония. Ученые записки Ивана Петровича Сидорова,
доктора наук / С. Тюленев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858556-2

«Бытовая космогония» расскажет пытливому читателю обо всем и практически все, по крайней мере самое важное. Здесь показано зарождение и смерть нашей Вселенной, появление и развитие жизни на Земле во всем ее многообразии (оценивать которое, однако, следует лишь читателю категории «18+»!). Жизнь самого автора, Ивана Петровича Сидорова, проходит у нас перед глазами, оставляя след, который не сотрет ни время, ни забвение, ни смерть!

ISBN 978-5-44-858556-2

© Тюленев С.
© Издательские решения

Содержание

От издателя	6
От предполагавшегося издателя	7
Предисловие автора	11
Книга перфекта	13
Песнь о Матери	14
Песнь о второй половине	18
Книга плюсквамперфекта	28
Макрокосм...	29
...и микро-	32
Книга настоящего постоянного	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бытовая космогония
Ученые записки Ивана Петровича
Сидорова, доктора наук

Сергей Тюленев

© Сергей Тюленев, 2017

ISBN 978-5-4485-8556-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...все здесь написанное чистейшая правда и в то же время чистейшая фантазия.

– В.К.

От издателя

Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству.

– В. Я. Брюсов

Отпечатанную на компьютере и размноженную «самопалом» на ксероксе книжку эту обнаружил я в букинистической лавке одного крошечного заштатного городишки (как я туда попал, чувствуя себя будто в ссылке в какой-нибудь Вифинии, – предмет разговора особого, к делу не относящегося).

Полистал, похмыкал, пожал плечами и – в итоге – плюнул и купил: местами показалось забавным, почти повсюду с щедрой долей то ли наивности, то ли глупости, а, может, и того и другого (но разве не все мы, хотя бы иногда допускаем и то, и другое). «В любом случае под настроение в понимающей компании посмеемся,» – подумал.

Предполагавшийся издатель, как очевидно из его предисловия, надеялся пробить в каком-нибудь издательстве, да так ни у кого имприматура, кроме своего ксерокса, и не получил.

Понял не так и подал не так.

Понимаю и подаю иначе. Печатаю как есть, в т.ч. во всей стилевой и жанровой неровности. Прошу и читателя учесть это и внять предостережению в случае, если он согласится с мнением о тексте предполагавшегося издателя (равно как и автора):

В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНИКА НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ!!!

От предполагавшегося издателя

*...может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.
– М. В. Ломоносов*

Предлагаемая читателю книга принадлежит перу замечательного человека – Ивана Петровича Сидорова, доктора физико-математических наук. К великому несчастью, в прошлом году он покинул сей бренный мир. Но он оставил после себя то, что наконец увидит свет в форме книги – наиболее полного собрания его мыслей и идей, – и что особенно ценно – изложенных им самим, из первых рук, из первых уст, из первых глаз, от первых муз (по пословице).

Иван Петрович родился, казалось, в совсем ничем не примечательном городке Нештаинск, затерявшемся в одном из анклавов нашей необъятной а *magi usque ad mare* Родины.

Он был поздним ребенком у своей матери, потому она щедро изливала на него все тепло и ласку созревшей для материнства женщины. Отца своего он не знал, спрашивал у матери несколько раз. Мать уходила от ответа, сын не настаивал, а с годами стало уже совсем неважно.

В школе мальчик заинтересовался сначала астрономией, которая в конце концов привела его к физике, та – к химии, а оттуда и до биологии, как оказалось, рукой подать. При этом и гуманитарными дисциплинами Ваня не пренебрегал, тем более что давались они ему без особого труда. Он начал рано сочинять стихи, прозу, а также задумывал написать что-то вроде поэмы с названием «Аналогии», где хотел бы собрать микро-макро параллели между различными явлениями природы, метя в сердцевину самых основ мироздания. Дома он любил сидеть у круглого зеркала в прихожей над телефонной тумбочкой, натянуть на голову круглую металлическую сетку для промывания овощей и фруктов, одной рукой поднести ко рту карандаш, взять в другую коричневый кожаный блокнот и, сделав задумчивый вид, изображать из себя Сапфо как на известном портрете кисти неизвестного живописца.

Но подлинно расцвел ИП на университетской скамье. И это заметно было во всем: в его успехах научных и в его успехах жизненных – думал даже жениться, но решил отступить, не торопиться. А потом женой ему стала Урания и ее сестры – свояченицами.

Иван Петрович стал подлинным Ломоносовым и Кулибиным наших дней. Обоими в одном лице. Он был ученый-самоучка (автодидакт), одинаково интересовавшийся и физикой, и биологией, и лингвистикой, и всеми остальными науками, не чурался и наукологии. Не побоимся быть обвиненными в преувеличении и скажем со всей твердостью издателя, что кругозор его был соразмерен горизонтам всенеобъятной вселенной, пусть и не в том смысле, что он исчерпал все и достиг самого дна мироздания, но в смысле горизонтоохватывающей своей способности, так сказать, и в смысле темовмещения – от мельчайшего до величайшего, от нижайшего до высочайшего, от посюстороннего до потустороннего. Причем он не просто интересовался, но активно занимался всем этим, высказывая смелые идеи, предлагая оригинальные подходы к решению застарелых и заскорузлых задач (как несомненно заметит внимательный читатель, его незамысленный глаз видел то, на что давно уже никто или не обращал внимания, или что человечество отчаялось уже разглядеть во всех подробностях, где уж там познать!) – в т.ч. и «проклятых вопросов».

Наука не просто занимала И.П., но по-настоящему зачаровывала. Буквально все в своей повседневной жизни он пытался осмыслить как научный факт. Так однажды, увидев качнувшуюся под взлетевшей птицей ветку, он тут же исчислил у ветки скорость раскачки, угол отклонения от оси ее стабильности, максимальную амплитуду качания, засек время угасания этой

амплитуды и даже вывел рабочую формулу, чтобы можно было и впредь рассчитывать колебания веток после взлета с них птиц прямо на месте и безотлагательно.

Но в отличие от амплитуды качания ветки мысль И.П. на этом не угасла, а наоборот стала набирать силу, вопреки всем законам физики и природонатуральной энтропии. Выведя формулу, он задался следующим, более широкомасштабным вопросом: а не сопоставимо ли колебание веток от ветра или от прыжков белок и других мелких грызунов, равно как и прочих древолазающих и – прыгающих животных, с колебанием ветки от вспархивающей птицы? (В скобках заметим, что новый отряд – *dendrolazans-dendropolzans* – в биологический терминологический обиход предложил ввести именно И.П.) Так И. П. пришел к необходимости вывести закон колебания древесных веток вообще.

Но и на этом наш Ломоносов не остановился: он сравнил колебания древесных веток с колебаниями веток кустарников. А потом он задался вопросом: каково сопротивление – ведь колебание вызывается в сухом остатке именно сопротивлением веточного вещества веществу птичьих (или сопоставимых с птичьими, в случае с *dendrolazans* и *-polzans*) конечностей – каково сопротивление одного материала другому, от которого с известной силой толчка это последнее отрывается? И насколько сопротивление это зависит от (NB) намеренности, интенциональности толчка?

Таким образом, начав с тривиального взлета птицы и качнувшейся от этого ветки, И.П. уточнил слишком общо и не до конца сформулированный закон Ньютона о действии, которое равно противодействию. Как широко известно в кругах, близких И.П., именно так родилась блестящая поправка И.П. ко второму закону Ньютона: он свел воедино действие-противодействие, сопромат и целеполагание, иными словами, ввел в научный обиход переменную намеренности действия, без которой закон оставался неполным несколько сот лет – и никто этого даже не замечал! А ведь и в самом деле действие может быть намеренным, и тогда противодействие (читай: сопротивление материалов – отсюда, сопромат; кстати, сокращение, столь популярное сегодня, ушедшее в народ, первым употребил в курилке тогдашней Ленинки, между прочим, что бы там ни говорили, именно И.П.!), как подтверждает опыт, активней, чем в случае действия ненамеренного.

Некоторые восхищенные этой мыслью (простой, как и положено быть всему гениальному) отечественные ученые снеслись с Нобелевским комитетом по премиям в области физики, и там пообещали обязательно наградить И. П. Но – воистину: не верь никому! – время церемонии приближается, а приглашения все нет и нет. Хорошо, ждем... Год следующий. А от комитета – ни ответа, ни привета. И еще год проходит. И еще. Ни гугу. Только несколько лет спустя все выяснилось, и то через знакомых, по неофициальным каналам, обходными путями, почти случайно. Оказалось, даже в Нобелевском комитете, этом, казалось бы, храме всех девяти муз, правит бал та же банальная бюрократия, фактически самопровозгласившая себя одной из сестер – «музой» номер 10, если хотите. Эта дама, с ног до головы увитая красными и розовыми лентами, решила передать дело Ивана Петровича из комитета по физике в комитет по премиям мира (справедливо, впрочем, – надо отдать ей должное, – уловив не только физическую, но и этическую составляющую поправки Сидорова к закону Ньютона, как та официально была названа для протокола, обнародованного задним числом). Ну это и понятно: гениальный в одном – гениален во всем, и трудно порой решить, по какому комитету проводить блестящую, междисциплинарную по своей сути идею. Но при переносе из одного комитета в другой папка с делом, представьте, затерялась! А ведь Иван Петрович передал в Нобелевский комитет существовавшую лишь в одной-единственной копии формулу – запечатленную на картонном клочке от пачки «Беломора», который подвернулся ему под руку в кармане брюк в исторический момент наблюдения за колебанием ветки, описанный выше. И вот утрачен и клочок, и в порыве научного озарения спешно набросанная на нем гениальная

формула – утрачены, увы, навсегда! Как рассеявшийся дым выкуренной, из все той же пачки «Беломора» папиросы!

Оправившись от удара, сегодня мы благодарим судьбу за то, что сохранилось от этого нового Ломоносова хоть то, что сохранилось.

Как было сказано выше, И.П. не только новый наш университет, он и мастер-изобретатель Кулибин. Кстати, любопытно, что И.П. был еще и левша (*sapientia sat* – разумеющий да уразумеет)! Он изобрел и сам смастерил целый ряд приспособлений и механизмов, действующих моделей и аппаратов, которые могли самостоятельно и лишь с незначительной топливно-энергетической подпиткой (которой можно смело пренебречь) двигаться, вращаться, летать и проделывать разные операции от счетно-исчислительных до забавного гримасничанья и подмигивания игрушечных человечков! Таким образом, можно смело утверждать, что Иван Петрович вплотную подошел к решению проблемы конструкции вечного двигателя, в возможность создания которого свято, подвижнически верил. Как смеялся он над горе-физиками, которые свое бессилие решить задачу оправдывают пораженческой псевдологикой известного чеховского персонажа: мол, этого не может быть никогда!

На страницах этой книги непредвзятый читатель найдет богатую, щедрую россыпь бисера – практических идей и задумок нашего Кулибина. И все это не просто пополнение общечеловеческой копилки знаний или, как сказал бы Вернадский, обогащение ноосферы. Реализация даже небольшой части его идей в народном хозяйстве может улучшить и облегчить жизнь огромного количества людей, преумножить богатство всей страны в целом и даже поднять ее ВВП.

Перед тем как предоставить слово самому нашему герою, пожалуй, следует отметить еще одно важное свойство предлагаемого читателю текста. Автор его – не только ученый и мыслитель, но и, не побоимся сказать, даровитый художник слова. Ссылаясь на известный спор физиков и лириков, можно с уверенностью сказать, что Иван Петрович – физик и лирик в одном лице в той же степени, в какой он в одном лице и Ломоносов и Кулибин (заметим в скобках: тут он, безусловно, напоминает нам первого не только как ученого, но и как литератора). Он физический лирик и лирический физик! Физико-лирик и лиро-физик. В этом смысле он новый наш Лукреций: о науке он пишет художественно, порой и в стихах (хоть и не рифмованных, но ведь и Лукреций не рифмовал)!

Итак, не смея более томить читателя, превращая здоровые предвкушения в патогенные танталовы муки, скажем только: то, что читатели (и, благодарение, в многочисленных копиях!) держат в своих руках, – это плоды трудов и дней Ивана Петровича Сидорова, изложенные его собственными словами и собственноручно. Пусть эта книга найдет своего благодарного читателя. Кто знает, может, и какой-нибудь служитель патентного агентства пролистает эти записки и оформит один-другой патент, пусть и посмертный. Увы, Нобелевская премия посмертно не дается, да вряд ли Иван Петрович и принял бы ее, после того как в Нобелевском комитете обошлись с одной из лучших его идей. Как бы там ни было, мы уверены, что все сидоровские идеи, мысли, наблюдения, соображения, догадки и интуитивные прозрения найдут свое достойное место в современной науке, а он сам – в пантеоне великих умов человечества.

P.S. Кстати, издание снабжено приложением – одной до сих пор бывшей неизвестной статьей ИПС, предметом которой является не что иное, как смысл жизни человеческой с точки зрения физики, и Эпилогом с последними текстами, вышедшими из-под пера ИПС. В настоящее время готовится также собрание сохранившихся СМСок и электронных писем, любезно извлеченными для нас близкими Ивана Петровича из памяти их телефонов и из почтовых онлайн-ящиков, доступ к которым нам не менее любезно предоставили спецслужбы, которых мы благодарим, но (по их просьбе) не называем.

P.P.S. Кстати, чтобы подготовить читателя к композиционной неординарности записок И. П., скажем: их то замысловатость, то игривость, то причудливость, а то и витиеватость, то легкое и свободное ручьиисто-кристальное бурление, то суровое наводнение мысли, от которого не уйти, не скрыться, которое захватывает и которое влечет с собой (куда, неизвестно!) – записки эти основываются на ассоциативном сцеплении мыслей, переживаний, наблюдений, размышлений, рассуждений; махина эта, кажется, дыбится без единого замысла, без красной нити, без стержня, краеугольного камня, замкового (ср. пушкинское «Куда ж нам плыть?»). Но дойдешь до конца, остановишься, оглянешься, задумаешься, – и встанет все, как по велению свыше, на свои места и развернется гобелен вековечной вселенной, в которой живет человек, природа, в которой вращаются миры, в которой рождаются и умирают...

P.P.P.S. Указание чтецам, которые пожелают включить отрывки из публикуемого текста в свои сценические выступления: слово «атом» и его производные должны произноситься с ударением на «о», а не на «а», – физически. Кстати, и «симметрию» ударяйте на втором «и».

Предисловие автора

*Стоя в душе, весь в пене, я любил наблюдать за тем, как углубление
в пространстве-времени засасывает в себя пенящуюся воду.*

– Из воспоминаний Эйнштейна

(пер. мой, И.П.С.)

Книга эта – результат каждодневных размышлений об устройстве мироздания, о большом и малом и об их удивительных, но закономерных переплетениях, взаимоотношениях, трансформациях, то порожистых и абруптивных, то гладких и плавных, об их перетеканиях друг в друга, то как бы выложенных на ровной, словно катком укатанной плоскости Эвклидовой геометрии в порядке возрастания или убывания, то взбегающих по невидимой спирали или опадающих в ямы и рытвины, выкопанные каким-нибудь Риманом или Лобачевским.

Эта книга о разности взгляда первичного и последующего: первый может принять делимое за неделимое, в то время как последующий может превратить микрокосм в макрокосм, хаос – в познанный порядок, несекомое (а именно так правильно переводили в восемнадцатом веке греческое *entomon* или латинское *insectum*, пока его не исказили в не имеющее смысла вследствие утраты прозрачности внутренней формы *насекомое*) во вполне себе секомое. При повторном взгляде простое имеет тенденцию превращаться в нечто составное, структурно сложное, а сложное, наоборот, возможно, в простое – если его сопоставить с еще более сложным или если его окинет дистанцированное от него око. Мироздание не только расслаивается, но и иерархизируется, и синонимы оборачиваются чуть ли не антонимами, а противоположности вдруг начинают сближаться и срастаться, как двоящиеся предметы и образы в глазке фотоаппарата, которые благодаря наведенному фокусу обретают четкие очертания и единойлинейные контуры. Мир на глазах диверсифицируется и одновременно упорядочивается, классифицируется.

Более того, благодаря этому своему пристальному и пытливому взгляду чистая и бессребреническая созерцательность неожиданно даже для себя самое вдохновляет практику. Наблюдения любопытного облакаются в формулы, которые пропеллируют инженерную мысль. Созерцание подобно человеку, который способен поднять глаза к звездам, облакам, солнцу; инженерия подобна четвероногим, взор которых неизменно обращен к земле в поисках поживы. Но и это нужно!

Взгляд в окно облакается, как рыцарь в доспехи, в уравнения, которые, в свою очередь, укладывают числа, детей той самой мысли инженерной, – как младенцев в ложа – в уравнения. Младенцы растут и зреют – физико-математически мужают, формулизируются, становятся законопослушными гражданами республики Фюзис. Потом мысленный взор фокусируется, как зрачок, на практике; чистое созерцание встает обеими ногами на твердую землю. Так когда-то единороги были обращены в лошадей, которых одомашнили, оседлали; так когда-то Зевса-быка впрягли в плуг.

Как же организовать бесконечную цепную реакцию событий, происходивших в долгой истории известной вселенной, Большой Ойкумены, которая объединила естество и естествознание, либо слепила события и происшествия как слепую случайность, где одно просто следует за другим, либо скрепила их как причинную закономерность, где одно следует из другого? Лучшие книги мира не навязывают естественному ходу истории жестких сюжетностей, а просто прослеживают его, как взор авгура, следящий птичий полет, послушен этому полету, как нить – игле; лучшие авторы нащупывают сюжеты свободной, незажатой рукой, как осязает новую для себя поверхность рука слепца, в своей мудрости открывающая на ней то гладкости

и ровности, то мельчайшие сучки и задоринки по мере своего движения навстречу их феноменологическому (данному ей в ощущении) самоявлению.

Вот и в том, что развернется перед взором читателя на последующих страницах, сорганизовано с помощью слабой силы, аналогом которой в реальном мире нередко пренебрегают: видите ли, действует она на смешные расстояния, не больше каких-то 10^{-15} см!

Но, позвольте, ведь – действует!

Конечно, куда ей до электромагнитных или сильных взаимодействий рассказов, повестей, романов с их лихо закрученными как пружины сюжетными линиями и искусственно генерируемым мощным магнитом авторского воображения максимумом событий при минимуме действующих лиц! Зато цепь, выстраиваемая последовательностью сопряженных слабой силой малых сих – элементарных частиц, – это и громады солнц, и бескрайние галактики, и ухающие бездонности черных дыр.

Итак, предлагаемое повествование скорее сродни хроникам, очеркам, заметкам на полях, коробам опавших листьев. Объединены они глиссандирующей через натуру, как персты, пробегающие через весь диапазон струн арфы, спонтанностью, воздухоплавательной способностью языковой игры, переносящей и автора, и читателя в мгновение ока за три-девять земель, от образа к образу, от картины к картине, от сцены к сцене – из одного уголка мироздания в другой.

Иначе посмотреть: последующие страницы сцепляют события в формы глагольно-временной парадигмы: сперва расстилается прошедшее время, прошедшее недавнее и – фоном к нему – давнопрошедшее (тот самый утраченный близорукой русской грамматикой, но сохранившийся в других индоевропейских языках плюсквамперфект); далее на сцену выступает настоящее, в котором сосредоточено, как в острие иглы – сила иглы, в лезвии ножа – сила ножа, все человеческое ощущение времени; настоящее постоянное, описывающее незыблемые законы природы, а потом и настоящее сиюминутное (дающее о себе знать в русском языке лишь лексически и лишь иногда – *иду*, а не *хожу*); настоящее сиюминутное, кажущееся таким реальным и осязаемым, но тут же, как будто разрезаемое каким-то невидимым ножом, раслаивающееся на недавнее прошлое, с одной стороны, и будущее, с другой; а будущее... этот горизонт, который всегда видишь, но до которого никогда не дотянуться, которого никогда не достигнуть, будущее, которое осязается лишь после того, как оно обратится в настоящее или вспомнится впоследствии как прошедшее. Таков наш план.

Книга перфекта

*в которой читатель узнает о прошлом – о зарождении жизни, о ее матери и об отцах;
в этой книге со строго научных позиций и с привлечением новаторского терминологического
аппарата также подвергается критике квазизакон о счастливых семьях и семьях несчаст-
ливых*

Ἐν ἀρχῇ ἦν...

В зачине было...

– Евангелие от Иоанна

(пер. мой, И.П.С.)

Песнь о Матери

И если я.., то только ради мамы, дело в том...
– Тонино Гуэрра (пер. Р. Сефа)

Ах, как она обрадовалась, когда узнала, что результаты синтеза аминокислот очень даже многообещающие; как затрепетала, в сущности еще девчонка¹; как закипело все ее жидко-металлическое нутро; в жилах с новой силой забурлила кровь-магма; заволновались ветры во всклокоченных волосах ее облак; закипел, забурлил ее первобытный океан, когда в нем началось необычное брожение и затеялся первичный бульон.

Поначалу это было еще только робкое подрагивание, не ритм даже, а только едва-едва наметившееся биение, зарождающийся, сбивчивый пульс чего-то микроскопического, чего и не разглядеть-то было (будто зачесалось, а глянешь – ничего не видно, но ведь не просто так зачесалось, что-то же шевельнулось...).

Жизнь!

Конечно – это забила жизнь!

Нельзя сказать, что было здесь одно только материнское бескорыстие, жажда служить и отдавать, не получая ничего взамен. Она отдала себя жизни, а жизнь взамен дала ей, простите, повышение статуса среди всего сонма планет и планетоидов и в Солсистеме и дальше, куда взгляд ни доставал (тогда еще без подзорных труб-хабблоидов).

Теперь она не чета какому-нибудь облысевшему, засохшему и скукожившемуся Марсу! Ведь ровесник ей – а старик-стариком! Тоже ведь в зоне Златовласки, а вот на тебе, когда-то кипучий-могучий, когда-то со своей даже жидкой водой, а все растерял, все просадил: ни достойного тебе магнитного поля, ни атмосферы, вода и та вся заледенела. Все профуфукал, все просквандорил, все как есть: было – да как песок сквозь пальцы...

Вулкан Олимп – лучший символ всего Марса: торчит, высоченный, огромный, выше любого другого вулкана или горы не то что на планете, а во всей Солсистеме – мертвый, обрюзгший, бесформенный, бесполезный. Кометы-дурочки шуткуют – загадку сочинили про громадину (не без скабрёзности, зато в самую точку): большой, толстый, а не извергается!

Земля же – теперь мать. Мать, породившая высшую форму материи – жизнь. Теперь она не просто мятущийся без толку в пространстве-времени кусок застывшей базальтовой лавы, завернутый, как кирпич в пергаменную бумагу, в атмосферу, который может похвастаться максимум – лужами жидкой H₂O; теперь она единственный во всей Солсистеме оплот жизни, оазис! А может, и не в ней одной!

Когда жизнь завязалась на Земле, все еще не ясным оставалось, уникальна она или нет. Бухучет ведь никто не вел, каков и где приход. Материя, хоть и представляет собой безграничный океан креативных потенциальностей, сама по себе темна до тупости, лежит, почти что валяется, твори с ней что «хошь» и в любой ее части, ни перед кем отчета не держа. (Напрашивается сравнение с пьяной девкой под забором, но развивать его было бы все-таки грубовато и несколько прямолинейно, поэтому не будем... Хотя что-то в этом есть...)

Земля настаивала: жизнь на ней уникальна. И предлагала всем, кто не верит, оглянуться. Видно хоть где-нибудь хоть что-нибудь похожее на жизнь? Темень одна и холод замогильный. Ей возражали: дескать, вода есть не на ней одной, а стало быть, и жизнь не на ней одной возможна. Экзожизнь возможна! Тыкали пальцами в сторону юпитеровой Европы и Сатурнова Энцелада с их залежами льда. «Возможна еще не реальна, – кипятилась, молодуха еще, Земля. – Вы не путайте актуальность с виртуальностью! – и заключала пословично-лапи-

¹ Sub specie aeternitatis (с т. зр. вечности), конечно.

дарно: – Лед – не вода!» Большинство в ближайших кругах вселенской общественности вынуждено было с ней согласиться, и вопрос был снят, по крайней мере, до поры до времени... Земля же еще долго не хотела уgomониться и за глаза, недипломатично, обзывала Энцелад энцефалитом, а Европу – короной недоной.

Итак, по крайней мере в Солнечной системе первенство за Землей было принято как факт. Что до экзопланет, поди-тка разберись, что там на них есть, а чего отродясь не бывало!

Земля: (*запальчиво*) Булыжники! Куски!

Собственно, и сейчас (и с Хабблом, и с Кеплером, будто гипнотизирующими вселенную своим немигающим циклопическим одноглазьем с околоземных орбит) в их отношении не больше ясности. А так называемая «науч/интуиция» (оксюморон по сути, как «обоснованное предположение» или «educated guess»²: ты или гадаешь, или знаешь, *tertium non datur*, третьего не дано). Иначе: от лукавого и гаданье на кофейной гуще.

Поэтому, породив жизнь, перво-наперво, Земля потребовала, чтобы всякой бесплодной шушвали запрещено было с нею фамильярничать, окликать ее с каждой встречной-поперечной орбитки и траекторишки обидным прозвищем «Трешка». Она попыталась и имя поменять с прозаической «Земли» на романтическую с налетом эдакого *fin-de-siècle*'ского декадентства «Зою». Но в этом ей было отказано. Ну да ладно, по крайней мере про обидную кличку «Трешка» никто уже не вспоминает, а детишки ее никогда об этой «Трешке» и не слыхивали.

Вдобавок к обидной кличке астероиды, буквально измордовавшие все безатмосферные планеты, норовили бухнуться и ей на девственную грудь, уже, впрочем, покрытую прозрачным газом и белоснежным пухом облачности.

Но прошло то время, когда носившиеся по не сформировавшейся еще толком системе обломки планетарной массы шлепали ее куда ни попадя и пытались свалить с облюбованной ею орбиты в придорожные канавы пространства-времени, наваливаясь на нее всеми своими полями притяжения, тыкались в нее своими остроконечностями, дышали на нее своими горячими испарениями и обдавали ее брызгами искр и жаркими фонтанами растаявших от трения паров, пота, соков и прочих жидкостей. Насилу устояла. Одному налетчику пришлось хорошенько врезать, чтобы присмирел. Вон до сих пор обхаживает – на расстоянии и почтительно.³

Земля заставила Солнце пообещать, что впредь оно будет отвлекать на себя (ему-то что! ничем не пробьешь!) и растапливать особо разнузданные залетные кометы, гоняющие как бешеные по своим эллиптическим орбитам и вдоль системы и поперек, наперекосяк всем такими усилиями установившимся трафикам; некоторые то и дело даже за Пояс Койпера выпадали. Не ровен час врежется такая – не знаешь, где окажешься, и не факт, что вообще уцелеешь и на куски не развалишься!

Конечно, Земля прекрасно понимала: на одно Солнце полагаться нельзя. К тому же, что оно, увалень, несмотря на всю свою дебелию массу, могло сделать с астероидами, например? Это тебе не кометы. Комету подогреешь, подтопишь слегка, она лишь зашипит да дух и испустит. Не то астероиды! Те – камни, булыжники – битум: так могут огреть!

И Земля решила поработать над телом, поднарастить атмосферки, отелеситься, в чем ее новорожденные детки, молодцы, ей и пособили: кто газик выдохнет какой, кто, извините, пукнет. Смотришь, шубка потолще, жирок по бочкам, и благодаря этому всякая гадость, как только залетит, так тут же себе конец и обрящет: только пшик да кучка пепла. Благодаря этой сметливости-саморегуляции называли ее детки красивым древним именем – Гея. (Считайте это мстостью за «Зою».)

² Буквально что-то вроде «догадки, сделанной осведомленным», т. е. не просто так – тык пальцем в небо, а тык с претензией – пальцем эксперта.

³ Имеется в виду Луна, метаморфически представленная здесь как один из мужчин, добивавшихся Земли в ее юности, т.е. на раннем этапе ее формирования. (*Изд.*)

В основном, от всего чужеродного и опасного Земле успешно удалось защититься. Хотя два дестроера пробились-таки и устроили содом-гоморру. От одного булыжника не удалось увернуться, и он рухнул в нынешний Мексиканский залив, чуть не угробив всю с таким трудом выпестованную жизнь. Другой, поменьше, влетел, да удалось в тайгу отвести, подставив сибирский бок и минимизировав урон: только что деревьев поназавалил да двух медведей, мать с детенышем, насмерть прибил.

В общем, на Солнце надейся, а сама не плошай!

Но вернемся к *архэ* – к началу жизни. Конечно, что и греха таить, не все порадовались за молодую мать, не все пожелали ей и первым ее сине-зеленым чадам здоровья, счастья и долгих лет жизни. Некоторые просто откровенно позавидовали. Венера, красавица писаная, воротя розовую рожу к Солнцу, лишь хмыкнула. Только сама с того самого времени заволоклась кислотными облаками и с горя-зависти угарными газами затоксикоманила.

...«Чем-то станет она для меня и для всей вселенной, эта крошка?» – думалось молодой матери, когда она умиленно смотрела на первую клеточку, зарезвившуюся в первобытном аминокислотном супе. «Резвись, резвись, дочурка. Расти большая-пребольшая...»

Не успела Земля промолвить это, как клетка вдруг набухла и раздвоилась. Земля вздрогнула: не гибнет ли на глазах у нее ее чадо, по швам не лопается ли?

Но через секунду-другую половинки-внучки тоже набухли и раздвоились. А потом распались на четвертинки...

И пошло-поехало.

Земля удивленно раскрыла глаза: вот так резвость! вот так прыткость! И сама, будто помолодев вдруг, набавила пару-тройку оборотов в сутки. Потом, правда, остепенилась, осознав, что теперь она уже не просто мать, а и бабушка, и прабабушка, и прапрабабушка. Праматерь!

А «пра-» наслаивались – какой там не по дням! не по часам даже – по секундам! Как часы завели, не остановить: деления следовали за делениями, из одной крошки у Земли появилась уже горсть крошек, а дальше – больше. Наступило то самое неотвратимое и нескончаемое «время, вперед!»: время, данное в ощущении-созерцании; которое, едва только доходило оно до «переда» одного мгновения, как тут же отталкивалось от этого мгновения, как спринтер от стартовых колодок, и устремлялось к новому, а за ним – к следующему, и к следующему, и к следующему, перескакивая через мгновения, как тот же спринтер – через барьеры, весь устремленный вперед – лихорадка сердцебиения, ноги как крылья, мышцы на грани разрыва, натянутые жгуты жил на шее. Это-то и значило – «время, вперед!»

Земле, конечно, было знакомо понятие «время, вперед!» и раньше, еще у костра молодой, только раскопчегаривавшейся Соллсистемы. Тогда планета была совсем девчонка-резвушка, крутилась вокруг оси всего за шесть, плохо – семь часов. (*Et in Arcadia ego...*⁴) Она и другие будущие планеты вращались еще в спаянных кругах одного сплошного диска, и новости тогда распространялись куда быстрее, чем сейчас, когда они едва успевают перемигнуться, проносясь мимо по своим железобетонным орбитам. А некоторых она уж и из виду потеряла. Как верно скажет потом поэт, один из отпрысков этих вот мельтешащих и самоделющихся крошек («Подумать только!» – дивилась она, смотря на рой одноклеточных), а другой поэт повторит: *иных уж нет, а те далече*. Утерла слезу... Но, как предложит другой потомок («Композитор!» – гордо добавила мать): *не будем печалиться, о други*, – и, вторя еще одному поэту, призовет миллионы обняться и (а их уж и в самом деле миллионы, смотрите!) войти в храм радости. Но и ностальгия по собственной юности не отпускала – нет-нет да и подкатывал комок к горлу...

⁴ И я в Аркадии родился.

...Газо-пылевое облако расслаивалось. В сгустках массы образовывались гравитационные узлы, которые притягивали к себе все более и более далекое, намечая границы гравитационных полей с водоразделами, раскроившими единую до того массу звездно-планетарного диска. В конце концов все пространство так разрядилось меж образовавшимися планетами и их лунами, что, как бы Земля ни хотела отвернуться от любого, кто кричал ей, завидя ее издали: «Эй, Трешка-матрешка, как делишки, как детишки?», – ей приходилось поступаться своей гордостью и, хоть и не без натяжки, но улыбаться в ответ. Ведь когда еще кто к ней подлетит и обратит на нее внимание в этакой пустотище...

Но это было *тогда, прежде, до* – теперь уж больше унижениям не бывать! Тогда детишки были не более чем примитивная рифма в дурацком стишке-дразнилке, а теперь у нее и вправду – детишки!

И она довольно усмехнулась и гордо оглянулась по сторонам, покачивая в подоле уже целый немалочисленный выводок детенышей.

Песнь о второй половине

*Чашки опадали на дно стакана словно падавшие черные ангелы.
– Чаянов*

Уже было сказано, что зарождение жизни на Земле стало результатом синтеза аминокислот, но всякий взрослый, биофизиологически деромантизированный человек понимает: для синтеза нужно наличие более одного элемента, ведь синтез – всего лишь другое слово для соединения по крайней мере двух влекомых друг к другу, манких друг для друга и потому образующих единое целое элементов. И тут рядом с наличествующей, осязаемой матерью неизбежно, как перед Гамлетом и иже с ним⁵, возникает тень отца, поставщика недостающего, второго элемента.

Но прежде чем продолжить, необходимо ввести новые, еще неизвестные науке термины и растолковать читателю стоящие за ними облака концептов.

Люди всегда догадывались, что семьи разнятся: есть счастливые, есть несчастные, но попытка сформулировать закон, уточняющий эту разницу, была предпринята только в XIX веке.

Впрочем попытка была из серии «шедевр, нравится вам это или нет»: закон был сформулирован крайне поверхностно и ужасно небрежно, классификация вышла, прямо скажем, минималистическая, не в пример самому раздутому за счет избыточно описанного case study⁶ трактату, который автор, явно заподозрив научную несостоятельность своей попытки, в последний момент (см. оставшиеся черновики) выдал за художественное произведение и назвал романом.

Так вот. Первые, счастливые, семьи, согласно выведенному закону, похожи друг на друга, в то время как каждая из несчастливых несчастлива-де по-своему.

Прежде всего, сразу же бросается в глаза, что сложность реальности, где счастье и несчастье суть лишь крайние точки богато различными аспектами и нюансами и смешанными состояниями континуума, выхолащивается до вульгарной двуполярности – двурогости, как шутят ученые.

В случае счастливых семей, обобщение сводится к фактически простой отмашке: что тут, мол, разбираться! И так все ясно! Психологи сегодня называют этот способ референции – фальсифицирующая симплификация (*die simplifizierende Valβifikation; la simplification falsificationante; una falciva simplicaciontec*⁷). (Семья автора закона явно принадлежала ко второй категории: в его отмашке от анализа первой категории семей, примитивизирующей их, чувствуется гниловатый душок элементарной зависти.)

⁵ Ведь он не первым увидел призрака, что часто упускается из виду не совсем добросовестными литературоведами!

⁶ Case study (англ.) – тип эмпирического научного исследования, концентрирующийся на одном-двух конкретных случаях/феноменах.

⁷ Строго говоря, в испанском, последнем, варианте термина И. П. С. дал слишком много «с», которое, как хорошо известно читателю, перед передними гласными, *i* в данном случае (*falciva simplicaciontec*), произносится как русское шепелявое *c* или глухое английское *th*. Это объясняется тем, что И. П. С., не шепелявя в русском, любил этот фонетический эффект языка испанского, который, по легенде, введен был когда-то с подачи одного из кастильских королей. Король шепелявил, и ему стали подражать все его подданные. Произноси подданные все *c* нешепеляво в его присутствии, они постоянно указывали бы монарху на его речевой дефект, а чем бы это закончилось, кто его знает: или у короля мог развиваться комплекс неполноценности, или вы сами могли впасть у него в немилость и вам предложили бы примерить пресловутый испанский сапожок. Так или иначе, подданные предпочли заменить свой свистящий *c* на монарший шипящий и легитимизировать это как черту королевского испанского. Заменив все *s* на *c*, даже последний, которому никакого переднего гласного не последует (*falciva simplicaciontec*), И.П.С., по совести, – *plus royaliste que le roi*, т.е. более роялист, чем сам король, но мы уверены, что читатель, поняв (потому мы и объяснили), простит. (Изд.)

В случае же семей несчастных коллега расписался в собственном бессилии и абсолютной некомпетентности, закинул, что называется, лапки кверху: нет даже попытки обобщить, как-то классифицировать, категоризировать, разгруппировать образцы, выделить типы; каждый случай здесь, оказывается, особый, ни на что не похожий! Нет, получается, и двух похожих или даже сопоставимых хотя бы по одному-двум параметрам единиц! Тогда, позвольте спросить, что же объединяет их в одну категорию? Только наличие несчастья? Тогда будьте добры определить, что это такое и каковы его симптомы. Эксплицируйте, сударь!

Но ничего похожего читатель не дождется, прочти он весь роман-трактат от корки до корки и хоть несколько раз!

Более того, автор ограничился анализом всего двух образцов – всего по одному из каждой категории, да и то образцы явно вымышленные и подогнанные под выводимый закон. Не приводится ни первоисточников, ни точных указаний на место сбора данных! Опять всего лишь отмашка: геопятна размером с Москву и Петербург да какие-то поместья, раскиданные там-сям, извините, не в Лихтенштейне или Монако, а на Руси-матушке необъятной! А репрезентативность выборки респондентов?! А обоснование геораспределения сбора материала для анализа?! Лишь звенящая пустота в ответ!

Непонятно, как этот ныне репродуцируемый бесконечно в репринтах и тиражируемый в цитатах, введенный даже в учебные программы как классика (!), как непреходящая мудрость – как этот сформулированный тят-ляп с позволения сказать закон был вообще допущен к печати? Вот вам и хваленая импер (атор) ская цензура!

Итак, лучше забыть об этом горе-законе, который, максимум, достоин лишь строки-другой в книгах по истории науки – лучше о нем забыть и начать все сызнова.

Семьи следует классифицировать как биологический тип, который должен быть отнесен к жизни, ведь появилась категория «семья» именно с зарождением жизни. О звездах мы не скажем «семья звезд» – об объединениях звезд, если их объединять (именно так: а не «звезды, если они объединяются», поскольку сами звезды не объединяются! висят себе, где их подвесили!), говорят как о *созвездиях*. Даже и слова отдельного не нужно было изобретать: звезда₁ плюс звезда₂ плюс... звезда_n равняется со-звезд-ие. Это как если бы о людях: со-людие. Звезды не относятся к жизни как биологической категории (метафоры не в счет: «и звезда с звездой говорит...» – правильнее: «нет звездам счета, безде дна»⁸; сразу видно, что автор первого высказывания, в отличие от автора второго, к физике и астрономии не имел никакого отношения!).

Не то семьи: счастливы они или нет, но и те и другие принадлежат в биологической классификации к жизни. Даже теоретик, о котором мы говорили выше, разделив семьи на счастливые и несчастные и описывая их различия, несомненно, принял фундаментальное их сходство за нечто само собой разумеющееся, ведь иначе не назвал бы он их все, независимо от наличия или отсутствия в них счастья, семьями.

Установив принадлежность семьи в рамках самого широкого из понятий в биологической номенклатуре – к типу, движемся вперед и далее.

Следующая остановка – домен. И эта остановка потребует более долгой задержки. (Таков неизбежный закон номенклатурного бытия – чем дальше и глубже, тем детальнее становится разбор, тем больше черточек, оттенков, лишь слегка (для неспециалистов) различающихся форм чешуек, конфигураций плавников и размеров клювов, светового отлива и распределения пера по крылу необходимо различать и придавать всему этому все большее и большее значе-

⁸ Не совсем точная (хотя ударно-ритмически и более корректная) цитата из Ломоносова: «Звездам числа нет, бездне дна». Первая цитата, конечно, из Лермонтова (чтобы не было путаницы: не из Суворова ли? Если даже и Суворов что-нибудь такое говорил, напечатано все-таки у Лермонтова, соответственно и атрибутируем). (Изд.)

ние, возводя эти, казалось бы, почти случайные расхождения в род номенклатуризирующих, видообразующих, семьеформирующих).

В настоящее время, как известно, биологи вычленяют три основных домена: археи, бактерии и эукариоты. Сразу исключаем бактерии (семья – не бактерия, это очевидно!). А вот к археям или эукариотам отнести семью? Чтобы разобраться, надо понять, чем археи отличаются от эукариотов. И это несложно. Для любого знающего основы греческого значение предельно прозрачно: эукариоты = эу + карюон, где «эу» – хороший, ясный, или здесь: ясно различимый, отчетливо нащупываемый, и «карюон» – ядро. Другими словами, пощупай-попультируй, если чувствуешь ядро – значит, эукариот, двух мнений быть не может. Археи же, как опять же ясно всякому, кто сидел на гимназической ли, университетской скамье, и потому знающему греческий хотя бы понаслышке, – это древнейшие существа (от древнегреческого «архайос», сравни: *архаичный*). Такие они древние, что, когда появились, ядра еще не были изобретены, эволюция до них не додумалась к тому моменту. Вот когда появятся эукариоты, тогда только...

Так что же такое семья? Архея или эукариот? Давайте рассуждать. Есть ли ядро у семьи? Ученые расходятся в мнениях. Одни утверждают, что в любой семье найдется ядро, то есть то/та/тот, вокруг чего/кого ее члены объединяются, на основании чего они и принадлежат к данной относительно небольшой (в сравнении с фратрией или популяцией) группе людей. В иных семьях и пультировать не надо: ядро набухает «с пол-оборота на водичке» и в каждой семейной сцене. А есть семьи, где сколько ни щупай, ничего определенного не обнаруживается. Вот этот второй тип семей и заставляет нас задуматься: а в чем собственно природа ядра? Что оно есть – ядро? Что собой представляет?

Нельзя сказать, что это нечто родственно-биологически детерминированное, ведь, скажем, у родителей виды ДНК не родственны, более того, и должны быть неродственными, иначе роду грозит вырождение, гемофилия, олигофрения или прочие проклятия рода человеческого (особенно высоких, родов исключаящего типа – например, «родус базиликос», т.е. царско-королевских). Многие культуры строго определяют степень родства допустимого для кровосмешения – как правило, не ближе третьего колена. Некоторые женятся исключительно на иноплеменных, по принципу «берем в жены из тех, с кем воюем», что, между прочим, сохранилось в нашей романтически облагороженной сказке о царевне-лягушке: царевичем пущена стрела, оружие, атрибут войны, за тридевять земель (т.е. в иноплеменное пространство – не в соседний двор), а заканчивается все нахождением невесты, которая кладется за пазуху (читай: прячется) и которую жених уносит с собой, возвращаясь восвояси, – т.е. невеста попросту умыкается (как сабинянки римлянами, как Елена Парисом, как невесты во многих других культурах и этносах).⁹

Иные культуры борются с закрытыми родами т.н. голубых кровей бескомпромиссно и идеологически (и даже *как бы* научно) обоснованно, не останавливаясь ни перед чем – даже перед детоубийством, после чего от жертв избавляются просто: бросят их в какой-нибудь колодец поглубже и, для вящей важности или чтобы исключить возможность чуда воскрешения, зальют убиенных раствором негашеной извести.

Семья может не иметь детей, и все же быть семьей. Значит, дети также не могут считаться фактором единства семьи. В современном обществе все более зыбкими становятся официально навязываемые формализованные факторы объединения:

– пол членов семьи (тип М+Ж до сих пор преобладает, хотя уже впускают в социальное пространство варианты Ж+Ж, М+М, или мультиплицированные варианты обоих знаков, или

⁹ Замечательно озвученный художественный образец нашего древнерусского умыкания невест можно найти в этнографической балетной музыке Стравинского – приходит на ум, конечно, «Весна...» [Весна священная – Изд.]

их различные официальные и неофициальные комбинации; пока железобетонные свои позиции не сдает лишь один предел – рамки одной особи, homo; за эти рамки позволительно выходить лишь в сказках, т.е. в фантазиях),

– вид родства (сравни возможные сочетания: муж + жена, мать + сын, бабушка + внучка, родители + приемные дети),

– имущество (наследуемые семейные реликвии, которые собравшиеся для официального оглашения завещания и видящие друг друга впервые члены *семьи* делят между собой согласно последней воле усопшего и под надзором наблюдающего неукоснительное соблюдение каждой буквы оной душеприказчика и специалиста по марьяжному праву) и т. п.

Наконец, семьей люди называют союзы антропоморфных существ: сколькие мифологические системы не то что кишат богами и богинями, вступающими в матримониальные отношения (которые сопровождаются неизбежными и многочисленными адюльтерами), но даже начинают мироздание с такого союза, где, в зависимости от того, какой тип коитуса в данной культуре считается предпочтительным для зачатия (ведь речь идет о зачатии мироздания!), зажигают небо-мужчину на землю-женщину, либо кладут мужчину-землю на спину, а женщина-небо садится на него верхом (пусть нас простит церковь с пропагандируемой ею миссионерской позой).

Итак, с ядром проблема. Во-первых, нельзя выделить какой-то один тип семейного ядра: разные семьи объединяются вокруг разного (уже по этому понятно, что счастье или несчастье как критерий грубой расфасовки семей не лезет ни в какие ворота – не картофелины же мы сортируем, туда получше, сюда с гнильцой на выброс). Во-вторых, ядра может фактически вообще не быть: оно может быть настолько искусственным образованием, что дольше юридического бытования (времени зачтения завещания, например, или союза, который планировал один из кросс-дрессингствующих героев известной картины «Девушки из джаза» (в англ. оригинале *Some Like It Hot*), т.е. развестись с богатым стариком мужем сразу же после церемонии, открывшись ему как мужчина), может не существовать, и сразу же по выходе родственников из кабинета душеприказчика или вновь созданной пары из зала бракосочетания или церкви семья тут же распадается.

А если так, то напрашивается вывод: семья никак не эукариот. Семья – безъядерная форма жизни в том смысле, что семья есть семья не потому, что в ней есть ядро (которое, конечно, может быть, но оно факультативно и, потом, не всегда «эу», см. выше), а потому что существует или искусственно создается объединение нескольких человек, которые *объявляются* семьей. Иными словами, семья – социальный конструкт. Это подтверждается и типами допустимого состава семьи: вот муж с тремя женами, вот вам жена с тремя мужьями, вот один муж и одна жена, вот два – друг другу – мужа, вот две – друг дружке – жены, вот зоофильствующая пара – Медведь и Маша¹⁰, вот пара мифическая – Зевс и Гера... Зарегистрирована в истории даже попытка сожительства одной жены с семью человекоподобными мужьями. Имеются в виду Белоснежка и цверги, в русскоязычной культуре больше известные как гномы. Конечно, и ребенку известно, что семьей они так и не стали, хотя гномы и предлагали свои минисердечки и миниручки, но Белоснежка как-то не загорелась, то ли размером сердцерукопредлагатели не вышли в ее субъективных, как говорится, глазах, то ли профессия их – шахтерство, горнячество, по сути, – ее не прельстила (другое дело – принц!), то ли еще что... (Оставим более подробный психофизиологический анализ, который, кстати, до сих пор не был предпринят, сексологам, психоаналитикам, антропологам и зоологам.)

¹⁰ Выше мы сказали, что на данном этапе развития человеческого общества такие кросс-видовые пары допускаются лишь в сказках и прочих фантазиях, но кто знает, что будет дальше – сколько всего начиналось так же – с фантазий, а заканчивалось разрешительными решениями и постановлениями всех и всяческих законодательных собраний и наитрезвейшего и вполне себе осязаемой реальностью. Возьмите хоть подводные лодки Жюль Верна.

Итак, подводим итоги:

– психологическое доминирование, наличествующее в некоторых семьях, не может быть признано за видообразующий признак, хотя бы уже потому, что не является универсальным. Это не более чем псевдоядро, как какая-нибудь ложноножка или другие подобные органы, рассчитанные на введение в заблуждение либо жертвы, либо хищника, либо легковверного исследователя.

– Также ни состав, ни комбинация половых знаков (σ^7 или φ) или признаков биологического типа составных единиц вид не могут считаться свидетельствами ядерности (или, как говорят у нас на Вологодщине, «ядерности») семьи.

– Согласно методу исключения, остается одно: поскольку у семьи ядра нет или оно факультативно, что с т. зр. биовидологии одно и то же (отнесение к виду требует наличия данного набора признаков у каждой относимой к виду особи, хотя и с некоторыми исключениями в области половых признаков), семья должна быть отнесена к ДОМЕНУ АРХЕЙ.

Действительно, она древняя (смотри выше: лишь жизнь зародилась, Земля признала себя матерью по отношению к сине-зеленым водорослям, которые по импликации «если есть мать, значит должны быть и дети» и стали ее детьми). Семья одноклеточная. По тем или иным признакам (точнее определить невозможно – био? соц?) круг лиц, относимых к семье, считается родственниками в рамках *семьи*. Термин «семья» подразумевает *единство*: быть членами семьи – значит быть членами *одной* семьи, пусть и фактически эфемерной, члены которой фактически могут проживать отдельно, на разной жилплощади, не очень-то ладить между собой, если не откровенно воевать. Неважно! В недавнем прошлом говорили, имея в виду именно это, единство, о семье как о «ячейке» общества.

Семья и различные ее варианты – например, счастливые и несчастливые – относятся друг к другу как род и виды. Разница в них, как очевидно для любого знающего русский язык хотя бы немного, в наличии или отсутствии счастья. Наш горе-социолог семьи, упомянутый в начале главы, понимал показатель счастья/несчастья как соотношение единицы (1) к нулю (0), а не как предельные точки континуума с градациями посередине. Видимо, теоретик осознавал несовершенство своей классификации и потому ввел градуированность по крайней мере в отношении околонулевой области: мол, несчастливые несчастливы каждая по-своему, т.е. единица вариантов не имеет – она есть точка; другое дело – нуль, он серия точек, или пятно, словно сначала, окунувши перо в чернильницу, автор вывел единицу («все счастливые – счастливы одинаково»), а потом задумался: как бы так же афористично написать о несчастливых семьях?..

...В это время на острие пера начала набухать увесистая, жирная, лоснящаяся иссиня-черная капля, которая росла, наливалась, круглилась, сферилась, отражая все увеличивающийся сноп света; а потом, по мере укрупнения, капля контекстуализировала свет все детальнее: стало очевидно, что он проходит через оконный переплет, который в свою очередь обрамлен кремового цвета портъерами с элегантной драпировкой и почти осязаемой текстурой ткани; дальше – больше: стало видно, что в основании прямоугольника окна, разбитого на шесть квадратов, лежит подоконник и стоит разветвившаяся герань в сужающемся книзу цилиндре терракотового вазона... – Но тут капля, окончательно принявшая самую емкую из поверхностей – сферическую, чтобы отразить мир вокруг нее как можно полнее и детальнее, загнипнотизировав попутно державшего ее на конце пера человека, явно увлеклась и забыла о другом физическом законе – законе всемирного тяготения – и, переполнившись образами и их деталями, обрушилась на бумагу и распласталась фиолетовым солнцем с ореолом лучей короны и с протуберанцами. Это солнце в негативе, по форме напоминавшее толстый мохнатый нуль, навело очнувшегося теоретика на мысль, что «несчастливые» – нуль (не только в смысле отсутствия счастья, но и нуль как разляпистый круг возможностей, которые никак не обобщить, не вытянуть в элегантную единицу, и, малодушно поддавшись этой нехитрой

мысли, он закончил предложение: «а все несчастливые несчастливы по-своему», и, проткнув лист и сломав перо, закончил период.

Но тем самым он тут же угодил в западню дурной бесконечности. Он решил отказаться видеть в нуле унифицированную точку, такую же, как единица счастливых семей, и угодил в точку противоположность – кучу-малу разномастных случаев, которые ни развернуть в цепочку с каким-то движением — прогрессом-регрессом – в том ли, другом направлении, к которым ни найти общего знаменателя (кроме того, что сгрудились они вокруг нуля счастья), которые просто валяются как кирпичи так и не построенного дома. Неминуемый согласно требованиям русской пунктуации знак препинания там, где мысль уткнулась в нуль, там, где ось ординат впала в ось абсцисс, оказался жирной кляксой; в отличие от капли, своей смертью породившей кляксу, капли-матери, которая во время своей жизни отражала упорядоченность комнаты и правильную геометрию окна и гармонию оконных аксессуаров, – дочь выродилась в отражение аморфности мыслей автора. (Это предположение о случившейся кляксе, между прочим, не какая-то развернутая метафора; оно подтверждается и первым из черновиков авторской рукописи, обнаруженной среди содержимого одной из тщательно рассортированных по «дням отчуждения» мусорных корзин, переданных из поместья автора Яспо в Гослитфондпромпил. Действительно, в первом черновике на указанном месте стоит прежирная фиолетовейшая клякса. Конечно, кто ее поставил и почему – недоказуемо; только это и делает наше утверждение лишь предположением.)

Разумеется, заявленное различие между семьями – счастливыми и несчастливыми – можно истолковать либо как количественное, либо как качественное: есть некая вещь, называемая *счастьем*, которое у всех им обладающих одинаково по сути, т.е. по качеству, хотя и может различаться по количеству: у одной семьи его 25 граммов, а у другой 25 килограммов, а у третьей, может, целых 25 тонн.

Как измерять семейные счастья-несчастья и по качественным показателям? С помощью спектрального анализа! Например, как показывают последние исследования в этой области британских ученых, спектральный анализ счастливых в семьях может существенно различаться. Весь спектр замера называется «общим объемом счастья-несчастья» (ООСН)¹¹. Он представляет собой совокупность обоих крайних состояний и всего, что между ними. На спектрах темных линий может быть больше, чем светлых, а может быть и наоборот, но обнаруживаются и те, и другие – и всегда (исключений современной науке не известно). Соотношение темных и светлых линий позволяет исчислить показатель ООСН данной конкретной семьи, а при сложении спектрограмм того или иного количества семей можно делать социологические выводы об ООСН в данной популяции.

При этом необходимо указать, что говоря об ООСН, неоднократно упомянутый выше теоретик семьи упустил из виду еще два показателя счастья-несчастья: интенсивность и время. В самом деле, можно говорить о степенях интенсивности линий в спектре. Интенсивность указывает не столько на количественные характеристики ООСН, сколько на качественные: на кре-

¹¹ За объединение счастья и несчастья в одно сложное, составное понятие говорит и наша русская народная мудрость, признающая, например, что в некоторых ситуациях «не было бы счастья, да несчастье помогло», т.е. счастье и несчастье, выражаясь научно, находятся в дополнительной дистрибуции, которая характерна для феноменов системного характера, а система – сложное целое. Или, что еще важнее для обсуждаемой темы, наш русский фольклор характеризует отношения в семье или в межличностных отношениях, приближающихся к семейным, как флуктуирующий баланс между любовью и размолвками («милые бранятся – только тешатся») или даже откровенной жестокостью («любит как душу – трясет как грушу» или «... бьет как грушу»; первый вариант явно древнее: под грушей понимается дерево, которое можно трясти для получения плод-результата, в то время как во втором случае под грушей явно понимается спортивный – боксерский – снаряд, который бьют, но не трясут). Наконец, сложно-единство соотношения счастья и несчастья, диалектическая противоположность-неразъемность положительного и отрицательного в отношениях семейного типа всегда озадачивала и потому у нас в народе союз мужа и жены ассоциируется с чем-то зловещим и inferнальным, выходящим за грань рационального, посягающим: «муж да жена – одна сатана».

пость семейных уз и на текстуру (не) счастья, т.е. на то, из чего скроено-соткано (не) счастье конкретной семьи.

Счастье, а равно и несчастье, могут проявляться в семье по-разному: в одной – какого-нибудь превалирующего до стереотипности южного типа – может быть много крика, скандалов, угроз, но много может быть и любви, и сострадания, и потеря одного из членов может обращаться неподдельным или, как говорят социологи, «позитивным» горем. В другой может быть внешнее спокойствие и даже то, что иной примет за тихое, уютное счастье, но затишье – всего лишь застой и затхлость, ни движения чувства, ни биения жизни, ни горения любви. Спектр первого типа семьи будет ярким, «пламенеющим», а второго – как застиранная поло-сатая рубашка: линии есть, но бледные, едва различимые. Получи спектр – и все сразу станет понятно: видимость может обмануть, а вот спектр никогда!

Кроме того, одна семья базируется на одном, другая на другом. Вот один тип супругов. Они соединились по любви. А вот вам другие: субстанция их уз – чистый расчет, математика и бухучет. Но об этом сказано и написано так много, что я воздержусь нанизывать свой, тысяча первый обруч на все тот же штырь – по пословице: и железный штырь согнуться может.

Лучше бросим взгляд на эти виды семьи с иной, как говорится, башни:

Понять динамику эволюции отношений в том и другом типе семьи можно лишь учтя фактор времени. Наш теоретик рассмотрел семейный ООСН как статичный показатель: в одной семье – супруг и супруга никогда собственно и не любили друг друга, объединял их ребенок и общее имущество, в то время как в другой – супруг и супруга и влюблены, и многое другое делает их «ячейкой». Излишне говорить, что это неприемлемое упрощение, ведь траектории семейной динамики (читай: динамики семейных отношений), как правило, гораздо более сложные и ветвистые: не только «прямоходящие», но и вос- или нисходящие, более того, бросающиеся как в омут на одном отрезке, обрушивающиеся будто в бездну – и воспаряющие чуть не до небес и райских врат, зашкаливая по оси игрек, на другом. Как раз движение по прямой встречается крайне редко, если вообще встречается. Гораздо чаще, в подавляющем количестве, ООСН – настоящие американские горки.

Наконец, спектральный анализ ООСН должен проводиться грамотно с методологической точки зрения. Лучше всего – следующим образом. Накалите семейные отношения, сделав т.н. «вброс информации» – возбуждив подозрительность одного из супругов в верности партнера, например. (Оговорюсь здесь, что подобного рода эксперименты должны проводиться исключительно в научно обоснованных и этически оправданных целях, как эксперименты над животными проводятся не для того, чтобы банально забивать мышей и крыс – это и кошки могут, а во имя высшеустремленности больших идей и достижения заветных горизонтов!)

Скомпрометировать одного из партнеров в глазах другого легче всего в семье, построенной на любви-верности. Гораздо сложнее это произвести в семье, в которой преобладает любовь безусловного типа (любовь к ребенку, например). Тут лучше всего воздействовать на субъекта меньшей опытности: т.е. можно посеять у ребенка сомнение в искренности материнской/отцовской любви к нему или ее силе, ведь почему вот мать запрещает сыну/дочери курить и заставляет носить шапку, когда совсем даже не холодно. Если действовать в обратном или, как говорят ученые, в *противоестественном* порядке, надо опираться не на любовь, а на что-нибудь другое – скажем, на родительскую жадность, если, конечно, у родителей есть, из-за чего быть жадными – напр., они собираются купить машину или дачу и не покупают сыну какой-нибудь гаджет, а дочери понравившееся ей платье, или не дают им жениться из эмоционального собственничества, торчащего из дыр их психологического подполья.

Бывает, что ничего не получается: нет разогрева – хоть кричи! Тогда можно попробовать создать ситуацию опасности или другого *крайнего* состояния – удаления одного из членов семьи, например. В последнем случае действеннее всего яды: подсыпьте крысиного, непри-

мер, яду в еду... Можно умертвить жертву мгновенно, а можно добиться агонии или более или менее протяженных страданий – тогда и наблюдать реакцию испытуемых можно дольше и во всех подробностях, не боясь ничего пропустить. Бесспорный чемпион – новейшее средство, Уранинита, которую человечество познало лишь сравнительно недавно (о чем см. ниже Книгу негасимой любви) и которое особенно популярно среди тех, чья служба на первый взгляд не видна, но, как говорят, и до Киева доведет и до Мексики – впрочем от топорных методов, благодаря Уранините, они давно отказались.

Но не будем отвлекаться... В любом случае, надо как-нибудь накалить пробу, а дальше уж считать через призму ООСНографа проявившиеся линии, цвета, их конфигурации и дистрибуции: чего больше, а чего меньше... (В скобках заметим, что мировая литература дает множество классических примеров накаливания, как реальных, так и фиктивно-экспериментальных в виде, например, дворцовых интриг, хотя не только во дворцах куются козни и плетутся интриги. Вспомним древнегреческие семьи, раздиравшиеся конфликтами поистине вселенского масштаба; вспомним более поздние любовные пары, опутанные сетями ревностей, завистей, кровавых мщений, которые, как арахны, своим искусным коварством сплели вокруг них черные злопыхатели и в которых безжалостно душили, душили их, – Тристан и Изольда, Абельяр и Элоиза, Франческа да Римини и Паоло, в свою очередь вдохновленные историей Ланселота и Гвинеvры, любовь которых прорывалась сквозь традиционность косных семейных уз, как сквозь елочные бумажные цепочки; конечно, шекспировские трагедии просто кишат примерами; клубок вбросов-отношений в семье Филиппа II (испанского), шедеврально (и со знанием дела!) изображенный в шиллеровой бессмертной трагедии «Дон Карлос», в которой маркиз ди Поза проявил себя как непревзойденный экспериментатор; да и мы не оплошали, вот хотя бы Иудушка Головлев, или Карамазовы с Грушенькой и пестиком, или лесковская «Леди Макбет Мценского уезда» чего стоят! В общем остается только учиться, потому что ничто не ново под Луной, так что не валите все грехи на бессердечных и хладнокровных тимофеевых-ресовских.)¹²

Как показали некоторые исследователи, семьи можно сопоставлять не только в ракурсе настоящего времени, но и по количественно-качественным показателям, основанным на прошлом данной ячейки общества. За единицу измерения прошлого семьи в этом случае обычно принимается один *скваф* (род слегка искаженного сокращения от вошедшего в наш язык заимствования из английского выражения *скелет в шкафу*). Скваф обозначает некоторый феномен – событие, тему или человека – из прошлого семьи. Но не просто «некоторый». Об этом скафе знают в семье, если и не с детства от родителей, то получая необходимую информацию или намеки на нее в более зрелом возрасте от говорливых или находящихся в состоянии, например, легкой или не очень легкой интоксикации членов самой семьи или от услужливых знакомых и соседей. Однако открыто о скафе не говорят, поскольку он воспринимается как нечто постыдное (некий позорный факт, беспутный член семьи, «паршивая овца», «белая ворона», блудный сын и тому подобн.).

На данном этапе развития науки уже неопровержимо доказано (опять же британскими учеными), что не существует ни единой семьи, в которой не было бы хотя бы одного скафа. Напротив, среднее число скафов, согласно самоновейшим статданным, составляет от 3 до 5.

Но вернемся к нашей героине – Земле и ее вновь образовавшейся семье и применим к ней описанные достижения современной социологии семьи.

¹² Даже здесь автор вновь проявляет себя как подлинный ученый: он переосмысливает стертое в своей образности выражение, обновляя его за счет того, что Луна предстает не просто чем-то абстрактным, тусклым и потёмочным, а конкретным небесным телом – потому и капитализация. (Изд.)

Конечно, во-первых, о составе семьи. Рассмотрение ситуации, в которой оказалась Земля после зарождения на ней жизни и ее (этой последней) почти мгновенное умножение (по геометрической прогрессии – не удивительно, что некоторые из ее же детей задумались о том, сможет ли мать прокормить всех своих чад и обеспечить им элементарные условия, подобные тем, которые требуют хищные отделы детской соцопеки), – так вот: рассмотрение этой ситуации только лишний раз подтверждает правильность отнесения семьи к археям.

Действительно, налицо одна мать при огромнейшем количестве детей, не относящихся не только к одному роду-племени или, более научно грамотно, к одному виду, семейству, порядку, классу, типу – но даже царству и домену. (Объединить все многообразие биомассы на Земле, вышедшее из первоначальных синезеленых водорослей, можно только отнеся это все единственно к... жизни вообще, в самом широком смысле этого слова. Это единственный общий знаменатель. Так что выходит, что жизнь определяется только через самое себя, порождая, в добавок ко всему, что она породила, еще и тавтологию.¹³)

Итак, состав семьи ясен: Земля и жизнь, где первая – мать-одиночка, а вторая – огромное количество детей. В общем, типичная архея, форма, принадлежащая к формально аморфному классу архей.

Но все же кто же отец жизни? Разобраться с этим вопросом помогает понятие скваф. Отцовство в семье Земли и жизни – характернейший пример. В семье об этом никогда не говорили, пока некоторые из детей не подросли и, деревоочковизированные, гулками зовами инстинктов откуда-то из подполья фрейдова Ида, не задались этим вопросом сами. Сами же принялись искать ответы, так как мать упорно, набрав в рот воды (буквально), молчала, тщательно скрывая следы своего небезукоризненного прошлого.

Но мудро ли это было с ее стороны? Ведь дети все равно рано или поздно дознались-докопались бы!

И уж они сил не пожалели. Сначала поискали в собственном огороде: в капусте никого не нашли; отловили дюжину аистов, но ни один из них не только не имел в наличии какого бы то ни было свертка (хоть бы даже без младенца!), но даже следов, которые перенесение свертков в объеме рождения новых тварей, не могло не оставить на клювах птиц. Никаких следов потертости или затупления краев!

Тогда дети пошли стучаться к соседям и там кое-чем разжились. Заметили многочисленные следы лихой юности Соллсистемы на изрытой будто оспой поверхности Луны. Обнаружили плешь на одном из полюсов Марса и аномалию во вращении Венеры; и то, и другое – явно результаты каких-то былых стычек и трений: у воинственного Марса наверняка стычек, а у Венеры – зная ее либидообильный характер – трений.

Но детки на этом не остановились, полетели разноухивать дальше. А соседи продолжали охотно намекать на то, что скрывалось за сквафом отцовства жизни на Земле, а то и говорить в открытую, без каких бы то ни было обиняков, намеков, иносказаний.

Кольца Сатурна предоставили доказательство былых тесных отношений планет с их лунами: Сатурн, как Синяя Борода, возможно, прибил несколько из своих лун, осколки от которых сквафом-укором вращаются вокруг него и по сей день.

А дядька Уран рубил правду-матку не церемонясь: ни от кого не могло ускользнуть, как он скособочен, как боком-боком тащится по своей орбите, и это навело землян на дальнейшие подозрения о юности матери и об их возможном отцовстве...

Пошли расспросы, все белье в шкафах было перевернуто в поисках следов скелетов, которые помогли бы установить личность отца. Ну естественно, нашли-таки.

¹³ До сих пор зарождение тавтологии относилось к появлению протофилософии и риторики, что в корне неверно! Современная логика вернулась к тавтологии как одной из допустимых и, более того, продуктивных форм своего языка и концептуального аппарата.

Эхолоты, фотографии из космоса, прочесывание всех и всяческих уголков на поверхности матери – все указывало на то, о чем Земля сама говорить не хотела. Дети же поняли, что мать не то чтобы не хотела, а, скорее всего, и не знала точно, кто их отец. Была она из тех однолюбок, у которых любовь одна – морячки, хотя в ее случае – метеориты. И воду они завезли и панспермически жизнь зачали.

Нет! педагогически безграмотно повела себя мать, привирая то про капусту, то про айстов или вовсе уходя от ответа. Зря боялась. Дети ведь уже не дети были, могли понять и, значит, простить.

И действительно, не только не стали они ставить любвеобильность матери ей в укор, а наоборот: насобирали останков многочисленных мужей Земли, которая, как оказалась, вела себя как черная вдова, поглощая их сразу же по оплодотворении; насобирали и по музеям под стекла расставили, и снабдили пояснительными табличками с точными, более или менее, датами свершения мрачного ритуала, а те, которые в музеи не помещались, они фотографировали и развешивали на стенах в тех же музеях и тоже с табличками, будто надгробными надписями о погибших, но не забытых отцах.

Обратим внимание читателя на то, что любопытство детей о прошлом их матери – поиск сквафа отцовства – стало тем самым и очень эффективным накаливанием семейной породы, обстановки в семье, которое идеально для замера ООСН. И что же оказалось в данном случае? Прочитируем официальный научный отчет Британского Королевского Общества (в нашем переводе):

На примере поиска сквафа отцовства жизни на Земле, выяснилось, что ООСН положителен и, более того, довольно высок (+0,75364 по шкале Бембергерберга-Осмейанова [от нуля до единицы – *Изд.*]). Эти результаты подтверждаются и другими типами сквафов – о геологическом прошлом Земли, об истории и динамике действия ее магнитного поля, о климатических эпохах и т. п.

Еще одной мажорной нотой в заключительный аккорд вольется следующее: Несмотря на все, что людям удалось узнать о матери, они не перестали любить ее и восхищаться ею, воспевая ее в песнях и танцах народов мира, не уставая повторять,

... [что] красота равнин и гор,
лесов, полей ее и морей,
океанов, рек, озер,
пустынь, болот, древесных пор
навечно девственна, она
как будто *только* рождена.¹⁴

¹⁴ Позволим себе процитировать в собственном несовершенном переводе народную песню аборигенов тихоокеанского атолла Св. Агари. Всяк специалист найдет, верится, в этой незамысловатой песне что-то для себя. Филолог заметит, что поэтический язык песни этого, казалось бы, примитивного, затерянного в юго-восточном медвеьем углу Пасифика и до недавнего времени совершенно отрезанного от т.н. цивилизованного мира с его эстетическими революциями и эволюциями народа избилует одной из техник, связываемых с высокоразвитыми поэтическими традициями, – анжамбеманами, в т.ч. даже внутрисловесными. Геолог не может не обратить внимание на то, что память поколений островитян донесла до наших дней воспоминания о некоем материке (Австралии? Ю. Америке?), с которого они прибыли на свой атолл, – в песне упоминаются типы ландшафта, которых отродясь не существовало на Св. Агари. Для антрополога интересна будет номенклатура явлений в мировоззрении племени: равнины, горы, реки и проч. соседствуют с древесными порами, что ясно указывает на важность этих последних для хозяйственной жизни на острове (из них островитяне, возможно переняв технику у туземных дятлов, добывают личинки, считающиеся на о-ве большим деликатесом). Впрочем, исследования жизни племени еще только начинаются, и нет сомнений, что много новых и любопытных открытий будет сделано в самое ближайшее время.

Книга плюсквамперфекта

в которой читателю предлагается всмотреться в прошлое давнопрошедшее с двух точек зрения – макрокосмической и микрокосмической – в надежде, что он заметит: макрокосмическое давнопрошедшее, насколько известно на настоящий момент, свершившись, более не повторяется, в то время как микрокосмическое есть постоянно свершающееся расслоение всего живого на предков и их потомков, своеобразная плюсквамперфектствующее настоящее, благодаря ее главному движителю – любви

Сначала было так...

– Книга Бытия

Макрокосм...

Тема без вариаций – о свершившемся

Изустные преданья старины

И вещей трав кладоисканье...

– С.К.Р. (пер. М.Н.А.)

Один из рассказов, что Земля слышала у разгоравшегося костра юного Солнца, был о том, как давным-давно все они, планеты и планетоиды, тогда еще сгустки-подростки, – вернее, всё, из чего они были слеплены, пыль да газ (в видимом масштабе), электроны, протоны, нейтроны (в невидимом), появилось из большого взрыва – Биг-Бэнга, загадочного и непостижимого, как миф о сотворении, о соитии каких-нибудь Геба и Нут, как миф о Тиамат, смешавшей свои воды с Апсу; как миф о Хаосе и ворошащихся в нем гигантах, задолго до их борьбы с богами, – торжественного и величавого, как «*Sonnenaufgang*»¹⁵ из штраусова «Заратуштры».

Дети бросили все свои игры: прочь отлетели мальчишковые палки и девчоночьи обручи; скоропостижно умерли в своих домиках розовощекие куклы, которым, судя по их холеному виду, жить бы еще да жить; канули на дно, куда-то к корням, непроницаемой лещины пластмассовые шлемы и деревянные мечи; резиновые мячи, разгоняемые инерцией больше ничьей ногой не удерживаемого вращения, покатались под гору – пока не хлюпнулись беспомощно в реку; отринутые скакалки затаились черными ужами во всклокоченной траве; только что оперенные матово-голубиным шорохом парения, опали мертвыми птицами воланчики на еще раньше отринутые ракетки; даже мгновение назад летящие в поднебесье воздушные змеи поддались прозаичному закону всемирного притяжения и легли на грешной земле.¹⁶

А у костра вспышки плазмы выхватывали из тьмы то разинутый беззубый рот, то жадные до чудесных историй глаза, с которых испачканные черникой губы сдували отбившиеся от челки и упавшие на глаза и щекочущие нос волосы.

Говорил один из стариков кварков, родившихся, по его словам, из того самого Биг-Бэнга. Он и его братья уже изрядно постарели (больше десяти миллиардов лет с лишним на тот момент – не шутка!), но все так же лихо носились по вселенной, будоража своими воспоминаниями охочую до мифов и легенд вселенскую молодежь.

Кварки были сухи, поджары, жилисты, вертки и юрки, и некоторые их выходки характеризовали их как довольно лукавых (если не откровенно дошлых) старикашек, не гнушающихся шуточками и розыгрышами и в своем почтенном возрасте. Например, то спрячутся и, заметьте, почему-то всегда по трое в протонно-нейтронных закоулках, издавая долго сбивавшие всех с толку звуки, нечто среднее между хриплым криком чайки и приказом принести три кварты пива для мистера Марка; то вдруг явятся статиком в радиотелескопах и озадачат ищущих что-нибудь совершенно другое пензиасов и уилсонов, а те будут грешить на все что угодно вплоть до гнездящихся в их радиотелескопах голубей и их помет.¹⁷

¹⁵ «Восход солнца» (нем. – Изд.).

¹⁶ Автор использует здесь свой излюбленный прием развертывания метафоры, сравнивая молодые образования, будущие планеты и планетоиды, Солнечной системы с детьми, которые, отбросив все свои игрушки, сбежали послушать сказку. Только безнадежно глухой к художественному слову не поддастся волшебству пера ИПС! (Изд.)

¹⁷ Наш осведомленный читатель, несомненно, сразу же вспомнит комичную историю открытия радиодинамика Большого Взрыва американскими физиками, впоследствии нобелевскими лауреатами, Пензиасом и Уилсоном, когда, пытаясь избавиться от «радиопомех», оказавшихся шумом рождения вселенной, те грешили на буквально все как источник помех – вплоть до помета поселившихся в их радиотелескопе голубей. Между прочим, из соображений восстановления исторической справедливости, упомянем, что двое наших сибиряков, Сидор Сидорыч Спиридонов и Спиридон Спиридоныч однофамилец нашего автора, независимо от П. и У., уже примерно на год раньше открыли тот же радиосум и поняли сразу, мгновенно и безошибочно, что к чему, не бросаясь чистить крышу и гонять голубей, но, будучи начисто лишены тщеславия, не стали бегать извещать инстанции и тискать статейки в научные журналы, даже в районной газете узнали об открытии только задним чис-

Наш добрый старик кварк рассказывал детворе вновь возникшей Солнечной системы кварочье свое предание, о том, как жажнуло, о том, как бухнуло, о том, как они вывалились из какой-то точки не точки, но чего-то черного и ужасно тесного. Насколько можно доверять их смутным пренатальным воспоминаниям (по-хорошему, этим давно бы заняться психоаналитику!), в точке-дыре было им действительно невероятно тесно. Они толпились, пыхтели, потели, толкались, некоторые весельчаки принимались щекотать соседей. И вот, некоторых защекотали до того, что те забились в неконтролируемых конвульсиях да с такой силой, что и остальным невольно сделалось. Что тут началось!!! Кто-кричал-кто-охал-кто-ахал-кому-ногу-отдавили-кому-в-скулу-локтем-заехали-кого-в-бок-саданули-да-так-что-пострадавший-не-разобравшись-что-не-нарочно-дал-сдачи-а-ему-не-замедлили-ответить-и-въехали-еще-больше-чтобы-знал-наперед. Словом, завязалась такая потасовка, что и представить трудно. А ведь все это происходило в пространстве, равном... ничему – в самой что ни на есть сингулярности. Стоит ли удивляться тому, к чему все это привело:

Вдруг сингулярность ка-ак рванет!

Кварково-глюонная масса-праматерия, вся до единой частички, словно гигантский плевок чахоточника, разбрызгалась-разлетелась и понеслась, понеслась во всех направлениях – и уже не остановить, не удержать ее было, что лошади, закусив удила, понесли, и – удержу нет! Вперед, вперед, вперед!

Тогда-то и зачалось пространство-время. Оно сначала замельчило планковыми долями секунд в умопомрачительных минусовых степенях, потом скачки увеличились до полнокровных секунд, потом – минут, а там на горизонте забрезжили и первые часы.

И все время время несло вперед, вперед, вперед – возврата быть уже не могло! Вот раскатились, как яблоки по полу, годá, раскатились и попадали друг за дружкой в развергнувшиеся проломы отверзшихся трещин стремительно разлетающегося пространства-времени – в первые столетия. Наконец вальяжно, зная себе цену, как толстые рулоны дорогого шерстяного ковролина («упругого, с низкой влагопроницаемостью и воспламеняемостью, нитка которого, в отличие от искусственной, не плавится – а тлеет!»), развернулись тысячи лет и миллиарды; дистанции растянулись на миллионы миллионов световых лет.

Время понеслось стрелой, выпущенной из лука, которая не замечала ничего на своем пути, вся, от кончика до оперенного хвоста, устремленная к яблочку какой-то видимой лишь ей мишени, куда-то за тридевять земель, мечтая мертвой хваткой вцепиться в яблочко, как гарпун в добычу, загипнотизированная бычьим глазом мишени (если воспользоваться другим, к случаю подходящим образом из англо-саксонской метафорики).

«Только мои детишки оседлают время и заставят его повернуть вспять,» – похвастанется много позже Земля, глядя с материнской нежностью на не выпускающего изо рта трубку, на английский манер в пиджаке, галифе и гетрах – твид, твид (твид в квадрате) плюс шерсть – Хаббла, уткнувшегося в глазок телескопа на верхушке горы Уилсон, Хаббла, который мнил себя англومانом, но которого за спиной называли Циклопом за его любовь смотреть одним многократно увеличенным не моргающим глазом (другой прищурен) в глубины, как оказалось, расширяющейся вселенной. Хабблу и плеяде его последователей, для которых ночной образ жизни стал настолько обычным, что некоторые биологи стали поговаривать о новом ответвлении от древа *homo sapiens*, как день стало ясно (и этот род ясности, а также их декларации, что работают они ради человечества, спас их от маргинализации и почти неминуемого – пока что чисто социального – отпадения от мэйнстрима эволюции рода человеческого), что,

лом (весной, после ледохода). – Они просто просидели всю зиму в тепло натопленной уютной избе, тянули себе чаек с вареньем и слушали, слушали, слушали вселенную, на тихий шепот которой время от времени накладывались лишь легкий треск можжевельных веточек в топке да хруст раскусываемого первооткрывателями кускового сахара, закупленного загодя на зиму в местном сельпо. (Изд.)

смотря в темные глубины вселенной, мы смотрим не только вперед в пространство, но и назад во время, и что машины времени вовсе не экзотика и не имеют ничего общего с аппаратцами, в которых как в тракторах из пола торчат, как зубья на вилке, рычаги и на стенах вспыхивают какие-то шестидесятиваттные, как будто выкрученные из люстры в подлежащей снесению хрущовке, лампочки.

А вселенная между тем разрасталась, расширялась, бухла... И каждый взгляд в телескоп расширял ее еще больше, заставляя увертываться от людей, пытающихся ухватить ее суть изнутри ее самой. Змея пыталась, но не могла пожрать самое себя; собака гонялась за собственным хвостом, но он ускользал от нее всякий раз, когда она, казалось, вот-вот схватит его зубами – раздавался лишь пустой щелчок челюстей, собака взывала то ли от досады, то ли от боли и снова устремлялась в погоню за самой собой...

...и микро-

Тема с вариациями – о свершающемся вновь и вновь

Рожать детей так же хлопотно, как принимать гостей, но почему-то люди их все-таки рожают, как и добровольно и без усталости взваливают на свои плечи готовку всей мыслимой-немыслимой снеди и последующее развлечение гостей.

...По улице шла пара, отец семейства и его плодородная супруга, с выводком – кто-то уже бегал и рвался вон из-под навязчивой родительской опеки, кто-то еще только послушно держался за выданный палец и, волоча ноги, брел за обладателем пальца, один еще просто овощем валялся в коляске, равнодушно созерцая верхушки домов, деревьев, небо и плечи и головы прохожих.

Папаша щеголял в прикиде, не совсем приличествующем долженствующему быть образцом мелкобуржуазной умеренности, – в джинсах и кожаной куртке. Даже не понятно, как это он в семейную жизнь вообще вляпался. Видно, подруга первенцем залетела, а дальше папе Карло ничего не оставалось, как по настоянию семьи, решившей, что пора осесть и остепениться, а равно и прочих релевантных родственников, а, может, под давлением слюнявых уговоров супружницы, строгать одного Буратино за другим – Буратино-2, Буратино-3 и т. д. Конечно, не исключено, что случилось вдохновение, искреннее, нефальшивое-неподдельное, животное даже, в лучшем смысле этого слова, случилось оно самое – генно-эгоистическое: желание продолжить себя, свой род, заложить фундамент своего семейства. И вот резвые сперматозоиды, одна толпа (кишащая движением класса «перетуум мобиле» и вспенивающая броуновским потоком беспорядочно и бурливо – «Весна идет! Весне дорогу!») за другой, набивалась в гости к яйцеклетке за яйцеклеткой, которым ничего не оставалось, как раскрывать пошире двери своих мембран, раздувать самовар и привечать настырных хлопцев (все равно не отделаться!). И результат налицо: блокирующая движение на тротуаре толпа, мал-мала меньше, саморазросшихся зигот, реализовавших свою розовощекую тотипотентность. И какая вариативность: и брахицефалы в бабушку по материнской линии, и долихоцефалы в дедушку по отцовской, и компромиссные мезатицефалы в честь всего остального народонаселения данного генофонда.

...С экрана неслась первая «Ночная музыка» из седьмой симфонии Малера. Герой медленно, но неуклонно продвигался через мелкорослый кустарник, переходящий в высокую траву, то ползком, по-пластунски, то на коленях, то в полный рост, презрев все и вся, вперед, к цели, которую благодаря способностям, потерянными было на одном из этапов большого эволюционного пути, но время от времени вспыхивающим с новой силой зрением ночного видения, чуял (может, дело тут было вовсе не в зрении, а в обонянии, обостренном разбушевавшимся триггером – тестостероном по сю сторону и привлеченном яркими и безошибочно определяемыми, как маяки в ночи, феромонами по ту) бивуак женственности, разбитый на балконе. Мысленно он уже рисовал себе сцену соблазнения Джульетты прямо на балконе, надеясь на то, что будет тоже сравнен с розой, которая пахнет розой, хоть назови ее розой, хоть нет. И, бросая взгляд в невидимое для него, но видимое для нас будущее, ближайшее будущее, надо воодушевить его, что, вылетая шелкопрядом непарным на поиск жены, он будет вознагражден и усилия его, и царапины, и ссадины не канут втуне.

Он ползет, а мы уже истекаем слюной, предвкушая экранное соитие – «ах!», замирают в полубомороке эмпатирующего влечения наши сердца... Конечно, в отличие от экранной молниеносности, реальное соитие не всегда кончается зачатием, но здесь и сейчас мы последуем за экранной-таки условностью и первое же излитие кончится началом.

Вот он результат – пострел первый.

По истечении известного времени, она сознается ему (благо обменялись телефонными номерами – осанна на небесах за современные средства связи!), что, кажется, забеременела; им обуревают противоречивые чувства – радости, озадаченности и рационализации (он пытается вычислить, в который из разов); кто-то из зала шепчет «тогда, тогда, в ту самую ночь», опозтизированную Малером, музыкой, которую выбрал режиссер, досконально знавший и так тонко чувствовавший музыку последнего романтика.

Осознавший себя отцом отец также задастся по сути своей никогда не тривиализирующимся, хоть и так часто задающимся вопросом: «Люблю ли я Вас?» – и ответит себе: «Я не знаю, но кажется мне, что люблю» (фортепьянный проигрыш чайковского вальса в три восьмых).

А потом раздастся с экрана первый крик, предваренный первым шлепком, и в мир войдет новый человек.

Через некоторое время, как положено, дитя онтогенетически повторит все так хорошо описанные Пиаже и Мидом филогенетические этапы детского психологизма и социализации, и, задавая все свои бесконечные «почему то, почему это?», будто уже успел начитаться Павлова, и словотворчеству, будто заглянуло не только в Павлова, но и в (все-таки более импрессионистическое, чем научное, согласитесь!) «От двух до пяти» Чуковского, пробежит по экрану слева направо, вызвав неподдельное социально детерминированное восхищение у женской половины зала.

Режиссер не остановится на этом и, в искусно выстроенной мизансцене положив руками матери ребенка в детскую кроватку, подстегнет героя к новому соитию, и оно, второе на экране (селективность неизбежна в этом важнейшем для нас из всех искусств искусстве в силу его, несмотря на всю его важность, навязываемой ему временем лимитированности), ознаменуется еще одним плодотворным протечением. Жидкостная фаза сменится твердотельностью, и в большой мир выйдет новое четко очерченное плотью чадо.

Еще один и еще одно: младенец и родительское и парародительское (родственников) счастье. И еще одно умиленное «ах!» в зале. В скобках заметим, что именно этот второй затем будет преподавать в престижном университете, где напишет для студентов далее приводимое упражнение, выдающее его замеченное уже в раннем возрасте пессимистическое мироощущение, на вставку пропущенных букв, дефисов и знаков препинания:

И_так по всему уже было видно что подступала зима утра__ие заморо_ки _ковывали луж_птицы соб_рались л_теть в южные края листва на деревьях в саду пожухла побурела а потом как_то незаметно за одну ноч_ вдруг разом опала и покрыла собой как ковром всю землю. Верш_ны деревьев в лесу стоящем неподалеку то_же изм_нились некогда ж_вой зеленый шумный остров среди светло желтых полей пшеницы и рж_ вдруг умолк и стал разно_цветным ярко красные пунцовые пятна вперемешку с золотисто коричневыми. Скоро так_же как в саду и там деревья сбросят свой покров и пр_готовят_ся к зиме к сн_гам морозам к стуже. Со_нце хоть и бл_стало еще по утрам на з_ре но пр_гревало лишь иногда и поздно не раньше полудня да и грело не долго быстро остывало и кл_нясь все ниже и ниже садилось за лесом. На смену ему во_ходила мертве__ая бледная холодная луна. Словно в страхе ра_ползались от нее по небу облака и она мерцала своим не_ярким тусклым призрачным светом окруженная звездами то_же далекими стылыми и равнодушными. На всю округу как по мановению како_го_то угрюмого волшебника накатывались ледян_ой волной тиш_мрак и уныние. В деревне то_же все _тихало зам_рало казалось вым_рало до утра селяне рано г_сили огни зап_рали ставни л_жились спать в своих деревья_ых избах которые то_же как_то мрачнели и словно пр_жимались к земле. Становилось од_ноко и ужас_но грус_но. Нет-нет взво_т где_нибудь в лесу волк которому то_же видно в_грус_нулось услышав его зала_т собаки щелкн_т засов скрипн_т отв_рившаяся дверь заг_рится лучина в ее не_верном свете покажет_ся заспан_ое

лицо которое тут_же и и__езн_т. И опять все смолкн_т и погрузит_ся в то_же жуткое гр_бовое безмолвие.

Потом появится на свет третий, о котором псевдо-Лябрюйер (*fl.* втор. пол. XX в. н. э.) напишет в своих «Характерах»:

Люди часто напоминают мне животных. Не в каком-нибудь уничижительном смысле, а просто фактически-физиогномически.

Только, может быть, раз на двадцатый я понял, чьи глаза напоминают мне его глаза. Я видел их изо дня в день, но никак не мог понять: чьи, чьи глаза напоминают мне *его* глаза? И вот наконец понял – акульки. Не в стереотипном смысле – кровожадные и т.п., а как бы стекляннно-завораживающие, почти неподвижные, а если и двигающиеся, то двигающиеся рывками – из одного статического состояния в другое. Не заметь ты этого броска зрачков, так и думал бы, что они вообще не двигаются.

Глаза его напоминали мне стеклянные глаза акульки еще и потому, видимо, что смотрели они на меня сквозь толстые линзы очков. Сильно увеличивающие мир для него, но сильно уменьшающие его глаза для мира. Оттого глаза становились еще мельче, чем были (?) на самом деле. (А вдруг они и были такими же мелкими, как казались?!)

Как так случилось, что брат его не носил очки, а он вот носит? В бабу, которая не расставалась с лорнеткой. Но, с другой стороны, она не расставалась и с нюхательными солями. Значит ли это, что в какой-то момент и он возьмется за что-нибудь нюхательное и с этим нюхательным уже не расстанется? Время покажет...

Для медицины наиболее интересным из вывода, бесспорно, окажется четвертая девочка: альбинос с белыми, как полагается волосами, такими белыми, что Мэрилин ей в подметки не сгодилась бы (недаром, последнюю и не заспиртовали, а первую – да, и она теперь спит вечным сном, как Спящая царевна в ее хрустальном гробу в ее любимой сказке, столько раз слышанной от мамы при тусклом свечении накрытой темной шалью настольной лампы, в стеклянном сосуде в кунсткамере). Конечно, пунцовость глаз «куншта» не могут не напомнить посетителю блоковских пьяниц с глазами кроликов, только глаза кроликов были уже принадлежностью самой Незнакомки и несколько пугали, а не звали в сиренево-очарованные дали. Общему впечатлению не помогал и крючковатый нос, от времени покрывшийся какими-то желтовато-коричневыми пятнами и местами будто облупившийся (отстали кусочки лопнувшей кожи). Но не будем печалиться, по совету уже упоминавшегося баса из знаменитого финала Девятой симфонии Бетховена (не забыть указать, где именно¹⁸), и перейдем к следующему ребетеночку.

Тоже девочка. Тоже с неординарной внешностью, хотя и в противоположном предыдущему случаю смысле и – без всякой иронии, сарказма или еще какого-нибудь аспекта зловредности и мизантропии. Эта девчушка – действительно прелесть без задних мыслей: всем удалась – и так соразмерна и эдак гармонична. Члены ее утратили, было, на время свою эту соразмерность и гармоничность в подростковый период, когда их индивидуальный рост природа, как всегда в этом возрасте, вытягивая, плохо координировала. Но на выходе, к двадцати, девушка вернулась к своей былой биоорганизации высшей пробы и даже, впитав в себя принципы диалектических концепций развития, превзошла своей девичьей былую девчоночью организацию, высоко и круто вспорхнув по спирали своего онтогенеза. Ясное дело, это не могло не пройти незамеченным у окружающих потенциальных половых партнеров обоих

¹⁸ ИПС, как всегда, увлекся – забыл. Вставляем ссылку за него: см. «Песнь о второй половине» в Книге перфекта. (*Изд.*)

полов, окружавших молодую девушку-женщину, едва не захлебывающихся слюнками при виде ягодки.

Кого-то предпочтет она сама? – встал закономерный вопрос. Я, однако, уклонюсь от ответа на этот вопрос, чтобы не потрафлять низким литературным вкусам, во всем высказывающим лишь клубничку послаще и смотрящим на все почти книги без исключения как на более или менее удачные изводы «Кама-Сутры» Малланаги Ватсьяяны – откровенные или по-фрейдовски завуалированные.

Итак, следующий...

Вернее, следующая... Опять девочка. Оказалась очень способной к музыке. Отдали учиться на фортепиано. Выучилась. Поступила дальше. Закончила. Осела в музыкальной школе. Учила чужих. А потом рожала своих и носила им в сумке, как коза козлятам молоко, купленные в магазине бесконечные торчащие из сумки макароны. Иногда макароны получались полусырые, доваривать она уже не доваривала (воду слила, не кипятить же заново!) и выдавала за «аль денте», заливая обильно томатным соусом. Умерла своей смертью, покойно, окруженная внуками, которых в отсутствии их родителей в очередной раз «высидивала», со спицами в руках, едва не завершив шерстяной носок очередному зятю. Этот носок завершила и связала мужу ее старшая дочь, чьими детьми счастливая бабка и была окружена.

В свое время уже Брокден Браун заметил в своем «Виланде», что особое здоровье выпадает на долю последнего ребенка (см. первый абзац четвертой главы). Более того, этот последний ребенок удивительно точно и полно воспроизвел черты соседа. Трудно предсказать экспертную реакцию монаха Менделя на это (хотя всегда можно ему возразить, что, мол, занимался ты своим горошком, вот и занимайся, а мы тут о живых людях!), но младший из детей, этот будто пластмассовый персикового цвета карапуз, действительно удивительно походил на соседа по лестничной клетке справа. (Не буду отвлекаться на описание черт во всей их конкретности, поскольку констатацией факта похожести последнего ребенка на соседа лишь хочу внести свою позитивистскую лепту в банк данных царства порой запутанной и отнюдь не горошечной сложности эмпирики сплетений человеческих физиогномических типов.)

Балконная Джульетта словно ожила, заботясь о последнем из своих отпрысков. Может, поэтому отец испытывал особые чувства к этому последнему своему чаду и часто цитировал в его присутствии катуллово «*Odi et amo*» [«Ненавижу и люблю» – *Изд.*]. Так любят все кисло-сладкое, щекочущее вкусовые бугорки на языке; так к нему привыкают, и хотя боятся оскоморождающего пресыщения, без этого кисло-сладкого жить не могут. Несомненно, отец проецировал на ребенка свои отношения с женой, и этот квази-отцовский инстинкт неизменно служил сахарозой.

Этот соседоподобный ребенок вырос и на собственном опыте доказал справедливость максимы, что люди рождаются скорее для несчастья, чем для счастья, как птица (какая чушь!) для полета. Не то чтобы жизнь его была несчастливой сама по себе, ведь сама по себе жизнь беззнакова – ни минус ни плюс; просто, как обычно, это человеческая конструктивистская натура вчитывает минусы и плюсы в бытие. (Не буду распространяться далее по этому ставшему уже тривиальным поводу, памятником которому служит известное изречение о полуполноте или полупустоте стакана с водой в объеме пятидесяти процентов от объективного его, стакана, общего объема.) Его, последнего из отпрысков описываемой семьи, жизнь складывалась очень даже гладко – по крайней мере в цепи внешних событий: внешность, здоровье, пусть и не блестящее, но вполне сносное образование и т.п., а главное – психо-социальная вписанность в конвенциональный антураж. Он рано проявил умение улавливать и физические запахи и социально обусловленные флюиды – даже сейчас, если вы понаблюдаете за ним, вы непременно *невооруженным глазом* заметите, как курносый, девственный еще носик его реагирует не только на запахи. Проносится машина, другая, третья, и кончик носика трижды вздрагивает; прошелестит деревце, мимо которого проходит семейство, и носик будто вибрирует, как трель

у флейты-пикколо; шум самолета в небе и, будто в своеобразную рифму, носик проводит микролинию, по очертаниям подобную рыхлому следу пролетевшего самолета. Но что удивительно и что подтвердят специсследования в будущем, нос его был отнюдь не только и даже не столько органом обонятельным, сколько функционировал как точка концентрации восприятия сигналов из внешнего мира, будь то сигналы ольфакторного спектра или сигналы, на которые нос обычно не реагирует – слуховые, например, на радиоволны, на колебания воздуха. Но, пожалуй, самое удивительное, что нос этот реагировал на социальные эманации. Имела место метафоризация выражения «держать нос по ветру». Редчайший случай – обычно метафоризация. Второй документально зафиксированный во всей истории человечества. Всегда считалось, что первый, т.н. случай назальной эмансипации, зарегистрированный в девятнадцатом веке в Санкт-Петербурге, был чистой выдумкой, фикцией – ан нет! (В настоящее время, кстати замечу, коль уж об этом речь зашла, ученые собирают сведения о подобного рода случаях, и если читатель знает или слышал о чем-нибудь подобном, а, может статься, и сам является счастливым обладателем – да, именно счастливым, а не несчастным, как коллежский асессор Ковалев, теперь мы знаем об этом больше и не считаем, как наши предки, что назальная эмансипация должна делать носоносителя, пусть и бывшего, парией, как раз наоборот; более того, даже странно, как люди, употреблявшие выражение «держать нос по ветру», не могли оценить того, кто умел это делать в буквальном смысле и кто доводил это искусство до совершенства! – так вот, если кто что об этом знает, непременно сообщите в РАН или неситесь с академией какой другой страны, это уже не важно, лишь бы не прозевать случай!)

Конечно, реакция на социальные «волны», то, что связывает индивидов в одно социальное целое, у ребенка проявлялась не всегда графически, как его реакция на авиаслед или на шелест молодой, клейкой еще, весенней, салатовой на вкус и цвет листвы дерева-проходимца (т.е. дерева *проходимого*, мимо которого кто-л. проходит, так, между прочим, до сих пор говорят в некоторых среднерусских говорах: «Вон, мол, сколько проходимцев у края дороги столпилось!», – может сказать какой-нибудь из носителей этих говоров, указывая на березовую рощицу ли, ельничек, сбивая с толку непосвященного, который примется шуриться и пытаться разглядеть толпу или группу если и не людей, то хотя бы гуманоидов. Тут в ином дело – в знании великорусского и могучего во всех его изводах и проистечениях, как знание реки во всех ее извилинах и излучинах, а то и в дельтообразном напластовании форм и значений, подформ и подзначений, узусов и субузусов!): социальная «радиация» улавливалась ноздревыми отверстиями, передавалась внутрь (точный маршрут и механизмы конкатенации еще не до конца изучены), в зону Брока-Мегалья-Зигверда-Прозорова головного мозга на границе между правым и левым полушариями, где и проходила дальнейшая обработка полученных данных, далее – зоны, отвечающие за социальное поведение индивида, а именно Торнвальда-Шмеерсона, Тунгвальд-Броссовского-Симерского и нервные окончания клеток X-13457b и S-188956e, выдавали свои импульсы, переводившиеся в конкретные поведенческие паттерны.¹⁹

Несмотря на такую уникальность, в отличие от его заспиртованной сестры-альбиноса, этого члена семейства изучали, когда он еще был жив (он умер всего пару лет назад, где-то в Словакии, где с ним случился удар, к описываемым свойствам его организма отношения, впрочем, не имеющий, как ученые думают сейчас, – хотя кто его знает, что они подумают завтра... может, описать? Пожалуй, что да... Таки... См. об этом в следующем абзаце.). Демонстрируя на публичных сеансах в различных курзалах курортов всех широт и долгот свою уникальную способность и участвуя в научных экспериментах, между прочим, он сколотил даже

¹⁹ Сложная мысль ИПС потребовала сложного словесного воплощения, что может вызвать затруднения у неподготовленного читателя. Таковому, сочувствуя, советуем перечитать предложение несколько раз. (Изд.)

небольшое состояньице. Но никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь: пустился он в путешествия, не имея наследников для своего сколоченного на гонорары состояньица, и вот...

Это был известный в то время словацкий гермафродит, и когда наш герой в своем путешествии доехал до Словакии, его угораздило влюбиться в этого гермафродита и форменным образом заболеть от любви, наподобие Далиды. Он даже стал писать стихи-послания предмету своего воздыхания, правда, лингвистическая нестыковка (стихи писались на одном языке, а объект обожания говорил на другом) без переводческого посредничества сделала невозможной стыковку и в других аспектах (между прочим, к вопросу о социальной роли перевода!). Тонкая кисея, которой покрывали лицо (для защиты от прямых лучей солнца, луны и вообще любых других источников света) никогда не встающего прекрасного, по-младенчески розово-розового гермафродита, стала символом для нашего влюбленного не могущих сложиться отношений и была воспринята им как роковая предначертанность, где и эфемерно тонкая, но завеса – барьер непреодолимый.

Это опечалило его до такой степени, что в области груди что-то кольнуло и отдалось, будто эхом, болью во всем теле – он охнул, стал падать (до этого он стоял с рукой у сердца), больно ударился затылком о случившийся на траектории падения стул, еще раз охнул и на пол приземлился уже мертвым со следами пережитых болей, исказивших сохранившуюся и в преклонном возрасте красоту лица.

Вначале посчитали, недооценив силу страданий от неразделенной любви, что причиной смерти стало именно падение и ушиб головы, искали даже трещину на черепе... Понятно, тщетно! «Понятно», потому что ваш покорный слуга, являясь натурой более романтической и способной понять другую столь же романтическую натуру, сразу сказал, что это не противодейственный удар стула (см. закон о действии-противодействии Ньютона), а удар *о* стул, имея в виду, что причиной смерти послужил удар иного порядка, не внешнее столкновение черепной коробки (живого еще человека) и спинки случившегося предмета мебели – какой абсурд! Совершенно ведь иной вектор намеренности, интенциональности удара!²⁰ И вскрытие подтвердило верность наития!

– Нас на мякине не проведешь! – воскликнул я, когда прочел в газете сообщение о результатах вскрытия. Прав был старик Аристотель, говоря, что поэзия вернее истории, ибо зиждется на зрении в корень. Прав был и Спенсер Холст, остроумно и по-чеховски кратко-галантливо описавший зебру-сказочницу, которая силой своего воображения предсказала существование кота, говорившего на языке зебр и тем обезоруживавшего всех их, всех, кроме зебры-сказочницы, которая, не зная о его существовании, сумела предвидеть и такую возможность реализации материи.²¹

Вместо эпилога: Гермафродит прожил еще год или что-то около того, а потом умер и он.

Вот вам еще одна незамысловатая повесть о любви (я имею в виду не только и не столько историю с гермафродитом, а историю всей семьи) – но лирику мы подали намеренно в научном разрезе – с физико-биологической точки зрения, что позволило рельефнее выявить ее роль как движителя времени, всегда стремящегося вперед, линейно ли, без вариаций, или петляиво, пузырясь вариациями, которые, впрочем, быстро лопаются, в то время как время, не отвлекаясь на них, мчится к новому горизонту, а после – к новому, и так далее до бесконечности, ибо реальность никогда и никоим образом не может исчерпаться горизонтами.

²⁰ Об интенциональности как составляющей в сидоровской поправке к закону Ньютона о силе и противодействии ей см. наше предисловие (предисловие издателя) выше. Обратим внимание читателя, как, казалось бы, далекий от практического применения закон блестяще использован его автором при диагностировании (пусть и *post-mortem*).

²¹ Произведение С. Холста, на которое здесь намекает ИПС, пока еще атрибутировать не удалось. (Изд.)

Книга настоящего постоянного

*в которой толкуется о наиболее фундаментальных законах видимой и невидимой вселенной – о законах свободы, разнообразия, о законе малых тел, равно как и о природе законов вообще*²²

Волга впадает в Каспийское море...

Лошади кушают овес и сено...

– Ипполит Ипполитыч

Еще в позапрошлом веке было установлено, что жизнь – игра. Соответственно, постижение законов жизни можно понимать как подобие разгадыванию карт партнеров по игре в покер. У каждого игрока – свой набор карт, а ты отгадываешь их, их не видя, где памятуя выход, где всматриваясь в крап (если есть, конечно), где догадываясь и рассчитывая вероятность новых поступлений в прикупе, где орлиным взглядом следя малейшие подкожные движения мышц на лицах. Люди, вступающие в жизнь, – что игроки за столом: расселись, им раздали карты, и пошли-поехали догадки по тому, насупился ли сосед, бросил ли вороватый взгляд на остальных, почесал ли затылок, поиграл желваками или попытался скрыть ухмылку, чтобы не спугнуть фортуны. Только в нашем случае, в научном постижении мироздания, партнеры – реальность и ее законы, обычно подводно-движущиеся и лишь только иногда всплывающие к поверхности, вдохнуть (или, как скажут некоторые, запутавшиеся в двух соснах паронимов – *вздохнуть*), пустить фонтан следствий и последствий; и тут надо уловить, по набуханию воды, по метнувшейся под тобой темной тени, по взвившимся в отдалении в воздух брызгам, которые тут же опали разрозненными, как бы и не связанными друг с другом радужными каплями в непроницаемый мутный океан, что это было, и описать хотя бы некоторые свойства и характеристики наблюденного явления или объекта.

У нас, в естествознании, все одновременно и сложнее и проще: мы не гадаем, мы вычисляем, формулируем, интерпретируем, кодируем. Однако нас роднит с картежниками то, что мы не чураемся подглядывать за соседом, в роли которого выступают и коллеги, и самое мироздание. Более того, в том, что касается коллег, то без учета их догадок и прочих достижений, отливаемых в форму публикаций, сам ничего не опубликуешь: стало быть, эта разновидность подглядывания поощряется и как подглядывание уже и не квалифицируется. А что до мироздания, то со времен г-на с не очень красивой фамилией, которую я как вегетарьянец произнести без содрогания от разворачивающихся перед моим мысленным взором отвратительных истекающих жиром кусков свинины, плавящихся на раскаленном диске сковороды, не могу, все ж не могу и не отдать ему как коллеге (см. выше о том, что касается коллег) должного, хотя бы не намекнув на него, – так вот с его времен подглядывание за натурой сделалось почти обязательным требованием, предъявляемым брату ученому во всякой области знаний. (Впрочем, как вы заметили, пишу «почти обязательным», а не просто «обязательным», потому как есть племя в нашем роду, считающее себя и – почти убедившее в том всех остальных, так что можно сказать уже и «считающееся» – исключением из правила. Конечно, сведущий уж понял, что речь идет о физиках-теоретиках. Ну да оставим их, поскольку и с них нет-нет да и получает общественность шерсти клоч.)

Но назад к нашим баранам (продолжая шерстяную тему): подглядывание за натурой известно под благородным названием, восходящим к древнегреческим корням – к понятиям «проба», «попытка» (*пейра*) или «опыт» (*эмпейриа*). Это означает, что никакого вывода нельзя

²² Книга, по воспоминаниям современников, ИПС написал на одном дыхании под звуки оратории Гайдна «Сотворение» в экспессе из Фаро в Лиссабон. (Изд.)

сделать, не подтвердив его экспериментально (что, в свою очередь, направляет нас к другому типу благородной архаики – к латыни, где было слово *эксперири*, что значило *пробовать, пытаться*). Другими словами, современная наука – это возведение подглядывания в принцип, или скажем: наблюдения, или даже: созерцания (впрочем, тут уже какой-то пассивностью и пустым раскрытием ничем не вооруженных зрачков отдаст, а это пустое философствование – спекуляция!).

В результате нескольких веков наблюдений выяснилось, что все кажущееся многообразие явлений заслоняет от нас несколько основополагающих законов, которые, впрочем, могут обрастать следствиями, поправками, вариантами, в зависимости от обстоятельств действия или бездействия, числа непосредственно вовлеченных или лишь присутствующих агентов, факторов и переменных. Иными словами, за мельтешением символов, чисел и формул кроется паратройка – ну, может, тут я дал маху, что называется, впал в махианство, – несколько принципов, из которых выводятся все до единого законы физического мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.